
ДУМКИ
Л. БѢЛЬСКАГО

Л. П. Бѣльскій.

Думки.

Съ рисунками Н. И. Живаго.



Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1908 г.



Въ пору весеннюю.

Въ пору весеннюю облачко чистое
Плаваетъ, въ небѣ играя;
Любитъ ласкать его зорька росистая,
Любитъ луна золотая.

Чужды ему ураганы мятежные,
Чужды холодныя бури —
Тихо плыветъ оно, бѣлое, нѣжное,
Радостно таетъ въ лазури.

Тучи осеннія, мглою рожденныя,
Бродятъ унылой толпою;
Въ холодѣ сумрачномъ жить осужденныя,
Бродятъ, не зная покоя.



Чудо святой Елисаветы.

(Баллада).

Въ замкѣ Вартбургскомъ движенье;
Кони ржутъ, собаки лаютъ;
Ландграфъ Людвигъ Тюрингенскій
На охоту выѣзжаетъ.

Осмотрѣвши стаи гончихъ,
Онъ съ супругою простился
И чрезъ мостъ подъемный замка
Въ лѣсъ за гончими пустился.

Съ нимъ простясь, Елисавета
Помолилась предъ распятьемъ
И велѣла доброй Гутѣ
Къ ней явиться съ верхнимъ платьемъ.

Во всю жизнь свою графиня
Лишь о Богѣ помышляла
И, служа Ему смиренно,
Ближнимъ въ нуждахъ помогала.

Все въ округѣ Эйзенаха,
По горамъ и по долинѣ,
На себѣ самихъ узнали
Милосердіе графини.

Бѣдныхъ, сирыхъ и убогихъ
И болѣзнью пораженныхъ—
Знала всѣхъ Елисавета,
Посѣщала прокаженныхъ.

И Господь Всемилосердый,
За великое служенье,
За любовь ея къ несчастнымъ,
Далъ ей силу исцѣленья.

По Тюрингіи далеко
О ней слава прогремѣла,
Но сама Елисавета
Этой славы не хотѣла.

Ни къ богатству ни къ почету
Ландграфиня не стремилась
И всю жизнь свою для ближнихъ
Ради Господа трудилась.

Такъ теперь, простившись съ мужемъ,
Собралась она въ минуту
И пошла въ деревню къ бѣднымъ,
Захвативъ съ собою Гуту.



Взявъ для нихъ побольше хлѣба
И покрывъ его полою
Отъ нескромныхъ взоровъ встрѣчныхъ,
Шла она лѣсной тропою.

И къ лачужкамъ подъ горою
Приближалась понемногу,
Размышляя о голодныхъ,
Возносясь душою къ Богу.

Вдругъ графъ Людвигъ ей навстрѣчу,
Возвращавшійся съ охоты.
Не по сердцу ему были
Ужъ давно ея заботы.

Зная трудъ ея тяжелый,
За нее онъ опасался
И, любя жену сердечно,
Потерять ее боялся.

И теперь, ее увидя
Съ тяжкой ношей подъ полою,
Обратился къ ней онъ мрачно:
«Покажи, что тамъ такое».

Тайно въ сердцѣ помолившись,
Чтобъ супругъ не огорчился,
Распахнула плащъ графиня —
И графъ Людвигъ изумился...

Гдѣ была, казалось, тяжесть —
Розы свѣжія лежали
И чудеснымъ ароматомъ
Передъ нимъ благоухали.

И, цвѣтя сама, какъ роза,
Къ небесамъ Елисавета
Возвела съ молитвой очи,
Озарясь лучами свѣта.

Этотъ свѣтъ заколебался,
И распятіе святое,
Ниспустясь, остановилось
У нея надъ головою.

Долго молча удивлялся
Графъ на дивное явленье;
Понялъ онъ въ великомъ чудѣ
Перстъ благого Провидѣнья.

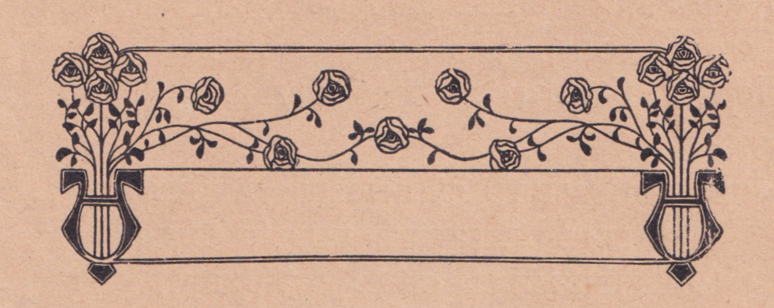
И, украсивъ свой нагрудникъ
Чистымъ цвѣтомъ розы бѣлой,
Онъ просилъ свою супругу
Продолжать святое дѣло.

И съ тѣхъ поръ не огорчался,
Видя трудъ ея священный,
Относяся къ ней съ почтеньемъ
И съ любовью неизмѣнной.

Гдѣ свершилось это чудо,
Графъ поставилъ столбъ высокій,
Крестъ велѣлъ на немъ воздвигнуть,
Чтобы виденъ былъ далеко.

Ландграфиня же трудилась,
Дѣло Божье продолжая,
И Тюрингія и Гессенъ
Дали имя ей «святая»

И о ней повѣствовали,
Чтобы знали всѣ на свѣтѣ
О Господней благодати,
О святой Елисаветѣ.





Ручей слезъ.

(Легенда).

Страшна была Дивова гора, и не было человѣка во всей старой Сербіи, который бы не зналъ о ней.

Косматыя тучи цѣплялись за ея голую вершину; бездонныя пропасти зіяли по ея кривымъ склонамъ; сѣдые лѣса закрывали ея подножіе, и, какъ исполинскія змѣи, вились между ними ущелья и долины.

Много было пещеръ на Дивовой горѣ; гнѣздились въ нихъ злобныя страшилища, великаны-дивы и зеленоокія русалки-вилы, окутывающіяся, какъ покрываломъ, длинными волосами; сидѣли они въ глубокихъ своихъ логовищахъ, вылетая и выползая изъ нихъ на погибель человѣку.

Страшна была Дивова гора, и никто вѣрующій въ Бога, отъ начала вѣка, не дерзалъ ставить на ней жилище, никто не осмѣливался ступать по ней.

Голько у самой подошвы, въ пещерѣ, подъ нависшими камнями, съ незапамятныхъ временъ, одинъ за другимъ жили колдуны, которые продавали свои души дьяволу, наводили порчу на добрыхъ людей и губили христіанскія души.

И боялись добрые люди Дивовой горы: ни одной тропинки не проложили по ней своими ногами и далеко-далеко объѣзжали ее на коняхъ своихъ, когда кому нужно было попасть въ деревню Жечну.

На самомъ краю Жечны, за околицей, стояла почернѣвшая хата, у которой вѣтеръ оборвалъ клоками соломенную крышу, проточили дожди деревянныя стѣны и расшатало безпощадное время все сверху до основанія.

Жила въ этой хатѣ старая Мара. Заросла травой дорога къ ея воротамъ, не видно было слѣдовъ къ крыльцу ея, разгулялись бурьянъ и кропива по двору и огороду, обвалились заброшенные амбары и навѣсы.

Одинока была старая Мара: ни одна душа не заходила къ ней, и отворачивали сосѣди глаза, проходя мимо, словно опасаясь осквернить взоры свои видомъ запущеннаго жилища.

И говорили сосѣди: «Наказалъ Богъ старую Мару, а изъ-за нея наказалъ и Жечну и всю округу. Пускай же она пропадаетъ отъ тоски и сидитъ одна одинешенька».

И сидѣла со своимъ горемъ старая Мара одна одинешенька; ползли ея думы, какъ осеннія тучи по холодному сѣрому небу, и падали, какъ тяжкіе камни, перекатываемые мутнымъ горнымъ потокомъ.

Объ одномъ были эти неотвязныя думы: о томъ, чье имя далеко кругомъ наводило ужасъ, кого прокли-

нали всѣ окрестные люди, и кого не могла она изгнать изъ своего материнскаго сердца—объ ея единственномъ сынѣ, страшномъ разбойникѣ Вукѣ.

Позабыла старая Мара давно минувшее время своей юности, когда приголубливала ее дорогая мать, когда заглядывались на красоту ея удалые юнаки; позабыла она и свое счастье, когда любилъ ее больше жизни и свѣта милый мужъ ея,—хорошее было время, но не о немъ вспоминала старая Мара.

Другое вставало передъ очами ея: какъ долго горевала она съ мужемъ, что не было у нея дитяти, какъ смѣялись за то надъ ними сосѣди, какъ молила она Бога о ребенкѣ, заказывала молебны и обѣдни, но не угодны были ея молитвы.

Вспоминала старая Мара, какъ взяло ее отчаяніе и, послушавшись дурныхъ людей, пошла она къ окаянному колдуну на Дивову гору, отнесла ему червонецъ, заработанный собственными трудами, и нагадалъ ей колдунъ на водѣ, окуренной погаными травами, на ея горе нагадалъ онъ ей, что родится у нея долго жданное дитя.

Въ нечистую ночь подъ Ивановъ день родился у нея Вукъ, и была въ ту ночь такая гроза, подобной которой не помнили столѣтніе старцы. Сыпались, какъ огромныя стрѣлы, грозныя молніи, горѣло отъ нихъ небо, и дрожала земля отъ жестокихъ ударовъ грома, который и убилъ ея ненагляднаго мужа.

Не на добрую жизнь родился Вукъ. Не забыть старой Марѣ, что говорили сосѣди: «Не будетъ проку въ этомъ ребенкѣ; не даромъ, нагаданный колдуномъ, родился

онъ въ нечистую Иванову ночь. Никогда не было дитяти злѣе Вука».

И когда слышала она эти рѣчи, хваталась рукою за свое сердце, и оно говорило ей: «Все это правда, бѣдная Мара. Но пусть не любятъ его другіе, а ты—мать и не можешь не любить своего сына».

Такъ говорило сердце, и горькія слезы текли по лицу бѣдной Мары.

Выросъ Вукъ стройнымъ юнакомъ, но блистали глаза его недобрымъ блескомъ, чернымъ огнемъ горѣли они, злѣе и злѣе были дѣла его, и говорили старики въ Жечнѣ: «Дьяволъ сидитъ въ этомъ юнакѣ; на злодѣйства толкаетъ его. Большихъ бѣдъ надо ждать намъ отъ всѣмъ ненавистнаго Вука».

Пропалъ молодой Вукъ изъ Жечны. Страшная молва загремѣла по всей округѣ о дерзкихъ грабежахъ и пожарахъ, о жестокихъ убійствахъ и неслыханныхъ ужасахъ—окаянныхъ дѣлахъ разбойника Вука, который поселился на Дивовой горѣ вмѣстѣ съ поганою дьявольскою силой.

Тогда призвали старики и юнаки и женщины Жечны священника, чтобы онъ произнесъ анаѳему страшному разбойнику. Трижды прочиталъ священникъ анаѳему, и трижды повторили ее за нимъ всѣ собравшіеся.

Пришли старики къ бѣдной Марѣ и сказали ей: «Мы прокляли твоего сына. Честь и слава тому, кто убьетъ его. А если поймаютъ его живымъ, то предадутъ на истязаніе немилосерднымъ палачамъ».

И когда говорили старики эти рѣчи, зашаталась бѣдная Мара, какъ дерево отъ бурнаго вѣтра, поблѣднѣла,

какъ снѣгъ на Балканскихъ вершинахъ, и упала навзничь на ветхомъ полу своей хаты.

А когда очнулась она, взялась ослабѣвшими руками за свое больное сердце, и оно сказало ей: «Все это правда, бѣдная Мара. Но пусть проклинаютъ его другіе, а ты—мать, и нѣтъ для тебя никого на свѣтѣ дороже твоего сына».

И бѣжали острыя слезы изъ очей ея и вырѣзали глубокія темныя морщины на лицѣ бѣдной Мары.

Прошло много времени. Одиноко сидѣла въ развалившейся хатѣ всѣми оставленная бѣдная мать проклятаго разбойника, потускнѣли ея свѣтлыя очи, посѣдѣли черные волосы, согнулось тощее тѣло, тряслись старыя костлявыя руки.

Необычайный шумъ услыхала она: точно въ Свѣтлое воскресенье высыпали на улицу люди въ нарядныхъ платьяхъ, ружейная пальба раздавалась по дорогѣ, неслись радостные клики.

Пришли старики къ старой Марѣ и сказали ей: «Наконецъ-то совершилось благое дѣло. Не спасла твоего сына нечистая сила отъ христіанскаго оружія: догнала его мѣткая юнацкая пуля, и упалъ онъ съ горнаго уступа внизъ на дно глубокаго ущелья. Тамъ и лежитъ проклятое его мертвое тѣло». И ушли старики.

Не шелохнулась старая Мара, слушая ихъ рѣчи. Словно вытесанная изъ холоднаго камня, недвижно сидѣла она съ остановившимися взорами, и горячія слезы обжигали страдальческое лицо бѣдной матери.

Затихло ликованіе по деревнѣ, взошелъ золотой мѣсяцъ на ночное синее небо; тогда поднялась и побѣ-

жала къ Дивовой горѣ старая Мара, хотѣла взглянуть на своего мертваго сына, лежащаго въ темномъ ущельѣ.

Видѣлъ золотой мѣсяцъ, какъ бѣжала она, развѣвая сѣдые волосы, и сказалъ ей: «Не бѣги, старая Мара. Разорвутъ тебя дикіе звѣри. Оставь имъ проклятаго разбойника, который оскверняль ликъ мой, проливая при его свѣтѣ кровь человѣческую».

Но увидалъ золотой мѣсяцъ тяжкую скорбь на лицѣ бѣдной матери, поблѣднѣлъ отъ жалости ликъ его, затрепетали печальные его лучи — и замолкъ золотой мѣсяцъ.

Стоялъ у подножья горы развѣсистый вѣковой дубъ и сказалъ: «Остановись, старая Мара. До смерти замучатъ тебя дивы и русалки. Оставь имъ проклятаго разбойника, который подъ моими вѣтвями совершалъ свои беззаконныя дѣла и полилъ мои корни человѣческою кровью».

Но увидалъ вѣковой дубъ неописуемое страданіе на лицѣ бѣдной матери, задрожалъ всѣми вѣтвями и листьями отъ корня до верхушки, заплакалъ крупными каплями ночной росы—и замолкъ вѣковой дубъ.

Стонала и гудѣла Дивова гора; дьявольскій хохотъ и визгъ раздавался по ней; чудовищные дивы и вилы-русалки, вмѣстѣ съ дикими звѣрями и хищными птицами, плясали нечестивымъ хороводомъ вокругъ мертваго Вука.

Подбѣжала къ нимъ старая Мара, и, когда увидѣли они лицо бѣдной матери, остановилась безумная пляска, завопили поганыя чудовища, завыли дикіе звѣри и бросились прочь съ Дивовой горы.

Увидала старая Мара своего сына, упала надъ нимъ, разметавъ свои сѣдые волосы, и зарыдала она такимъ рыданіемъ, что услыхалъ его колдунъ, жившій при подошвѣ горы.

И позналъ колдунъ всю мерзость своей жизни и умеръ отъ ужаса предъ совершонными имъ злодѣяніями.

Поднялась старая Мара и сѣла на камень въ головахъ мертваго Вука, не сводя съ него скорбныхъ очей своихъ, изъ которыхъ лились горячія слезы.

Прилетѣлъ соловей изъ сосѣдней долины, сѣлъ на ближнюю вѣтку березы и запѣлъ чудную пѣсню, желая утѣшить старую Мару, — но не слыхала она его пѣсни, и улетѣлъ соловей съ вѣтки березы.

Поднялся золотой мѣсяцъ на самую вершину синяго неба, послалъ свои серебряные лучи, чтобы обласкать старую Мару, — но не почувствовала она его ласки, и ушелъ золотой мѣсяцъ съ синяго неба.

Тогда встало красное солнце на голубое небо, осіяло своимъ свѣтомъ старую Мару, хотѣло согрѣть ея холодѣющее тѣло,—но не слыхала она его теплаго свѣта, и ушло красное солнце съ голубого неба.

Пробѣгали свѣтлые дни и темныя ночи, проходили недѣли и мѣсяцы, протекали года за годами, а старая мать сидѣла недвижно въ головахъ своего мертваго сына.

Въ твердый, холодный камень обратилась она, обросла сѣрымъ мохомъ и зеленымъ плющомъ, и неустанно лились изъ очей ея горячія слезы.

И сдѣлался изъ слезъ старой Мары свѣтлый ручей, укрылъ онъ мертваго Вука на днѣ своемъ, пробѣжалъ по ущелью до подошвы Дивовой горы и протекъ подъ корнями вѣкового дуба.

Разошлась молва о томъ ручьѣ по Жечнѣ и по всей округѣ, что содержитъ онъ въ себѣ чудесную силу, и приходили исцѣляться въ немъ недужные люди, омывались въ немъ тяжкіе грѣшники, каясь въ грѣхахъ своихъ.

Позеленѣла и просвѣтлѣла Дивова гора, веселыми кустами и пестрыми цвѣтами поросла она, навсегда исчезла съ нея нечистая сила и дикіе звѣри, а въ той пещерѣ, гдѣ прежде жили колдуны, поселился святой отшельникъ.

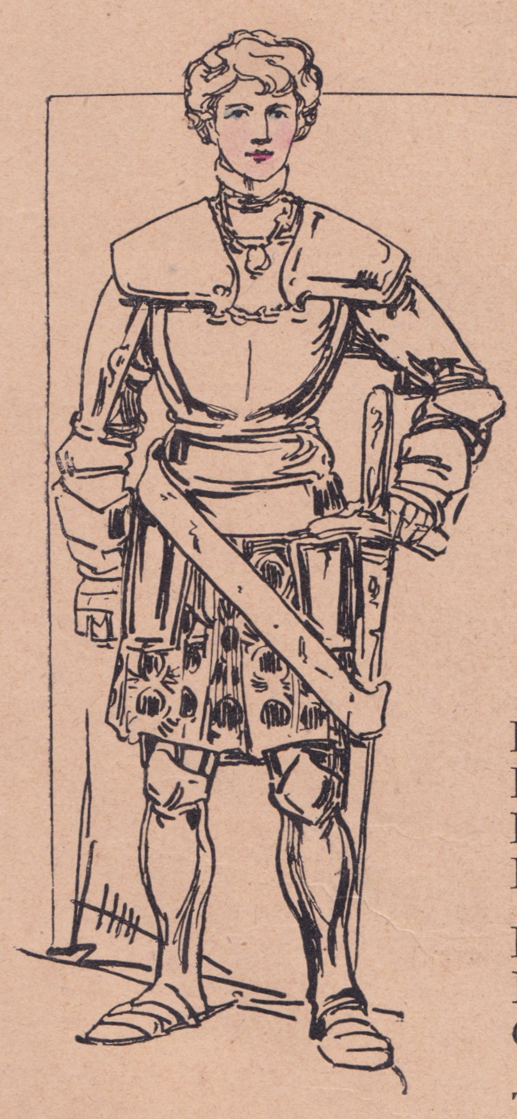
Пошелъ святой отшельникъ къ ручью слезъ, и дано было ему увидать Вука, лежащаго на днѣ ручья съ свѣтлымъ лицомъ, и узналъ онъ, что помиловалъ всемилосердый Богъ страшнаго разбойника ради великой любви старой Мары, омывшей грѣхи своего сына святыми материнскими слезами.

Тогда направилъ свои взоры отшельникъ къ окаменѣвшей старой Марѣ и сказалъ: «Довольно тебѣ плакать горькими слезами. Помиловалъ Богъ твоего сына ради любви твоей».

И отвѣчала ему покрытая мохомъ старая Мара «Знаю я о милосердіи Божіемъ, и не горькими слезами теперь плачу я: льются изъ очей моихъ слезы радости, что исцѣляются въ этихъ струяхъ люди отъ болѣзней и грѣховъ своихъ, и не перестанетъ литься ручей слезъ моихъ на добро людямъ до скончанія вѣка».

Разсказывалъ святой отшельникъ эти рѣчи старой матери всѣмъ приходившимъ къ нему, разнеслась вѣсть о нихъ по всей старой Сербіи, и не было въ ней человѣка, который бы не зналъ о ручьѣ слезъ старой Мары.







Посвященіе въ рыцари.

(Баллада).

Въ верхней Швабіи гористой,
Въ старомъ замкѣ надъ рѣкою,
На вершинѣ каменистой,
Гости съѣхались толпою.

Въ латахъ кованыхъ бароны
И епископы сѣдые
Сѣли въ залѣ; на балконѣ
Дамы сѣли молодыя.

Графъ хозяинъ, Конрадъ Швабскій,
Храбрый рыцарь, левъ въ сраженьѣ
И гроза земли Полабской,
Сѣлъ на тронъ на возвышеньѣ.

Сталъ за нимъ его служитель,
Спутникъ въ битвахъ неизмѣнный,
Старый Гудъ, тѣлохранитель,
Швабскихъ винъ знатокъ почтенный.

И по Альпамъ, и по Инну
Предъ Конрадомъ трепетали;
Какъ ходилъ онъ въ Палестину,
Минестрели воспѣвали.

Съ полнымъ рыцарскимъ уборомъ
Принесли вассалы латы,
И вошелъ, блистая взоромъ,
Сынъ его, Оттонъ, въ палату.

Былъ красивъ онъ, ловкій, статный,
Славно бился на рапирахъ,
Зналъ уставы службы ратной,
Жаждалъ биться на турнирахъ.

Все легко ему давалось:
И ѣзда и всѣ познанья,
И пятнадцать лѣтъ сравнялось
Въ день роскошнаго собранья.

Въ пышно убранную залу
Собралися отъ обѣдни;
Онъ, согласно ритуалу,
Появился здѣсь послѣдній.

Всѣ смотрѣли на Оттона:
«Рыцарь будетъ онъ на славу»,

Говорятъ кругомъ бароны,
А съ балкона слышно «браво».

Поклонившися смиренно,
Онъ предсталъ у возвышенья,
Чтобъ санъ рыцаря священный
Получить въ свой день рожденья.

Поднялись тогда бароны
И епископы сѣдые,
Самъ прелатъ читалъ законы,
Всюду рыцарямъ святые:

«Долженъ рыцарь выше жизни
Ставить долгъ защиты вѣры;
Кровью жертвовать отчизнѣ
И не знать въ отвагѣ мѣры.

Долженъ быть примѣромъ чести
И въ желаньяхъ—воздержанья;
Повинуясь долгу мести,
Долженъ помнить состраданье.

Долженъ бѣгать лжи лукавой,
Быть заступникомъ несчастныхъ,
И къ одной стремиться славѣ—
Славѣ подвиговъ прекрасныхъ».

И Оттонъ, внимая чтенью,
Къ этой славѣ ужъ стремился;
Полонъ думъ и вдохновенья,
Пылкій взоръ его свѣтился.

Глядя въ очи голубыя,
Въ умиленьѣ и въ молчаньѣ,
Вспоминая дни былые,
Любовалось имъ собранье.

Гудъ, всегда вздремнуть готовый,
Слушалъ чтенье по-латыни;
Не понявши въ немъ ни слова,
Онъ заснулъ по сей причинѣ.

Ставъ предъ трономъ на ступени,
Отъ прелата взявъ бумагу,
Преклонилъ Оттонъ колѣни,
Надъ мечомъ прочелъ присягу.

Графъ Конрадъ, поднявшись съ трона,
Испросилъ благословенье,
И впервые на Оттона
Онъ надѣлъ вооруженье:

Поясъ, щитъ съ гербомъ и латы,
Мечъ, добытый въ Палестинѣ,
И мечомъ своимъ трикраты
Онъ плашмя ударилъ сына.

Новый рыцарь посвященный,
Кончивъ все, съ колѣнъ поднялся,
Бросилъ взоръ кругомъ смущенный
И внезапно разсмѣялся.

«Какъ!—отецъ воскликнулъ грозно.—
На обрядъ нашъ благородный

Ты такъ смотришь несерьезно
И смѣешься лишь, негодный!»

Очи графа засверкали,
Взволновалися бароны,
Ропотъ носится по залѣ,
Робкій шопотъ по балкону.

Вдругъ притихли на мгновенье,
Стали слушать: что случилось?
Чье-то громкое храпѣнье
Всюду ясно доносилось.

Длинной рѣчью утомленный
И въ латыни недалекій,
Съ алебардой наклоненной,
Старый Гудъ храпѣлъ жестоко.

И при видѣ сей картины
Не могли никакъ сдержаться
Паладины Палестины,
Чтобъ надъ нимъ не разсмѣяться.

Но Конрадъ не разсмѣялся:
Онъ глядѣлъ на сына строго;
Тотъ, волнуясь, растерялся
И въ душѣ молился Богу.

Графъ промолвилъ: «Предо мною
«Долгъ великій воздержанья
Здѣсь нарушенъ былъ тобою,
Заслужилъ ты наказанье».

—«Наказанье? Да за что же?
Я заснулъ, а онъ въ отвѣтѣ!
Я смѣшонъ былъ съ сонной рожей
И за то приму хоть плети!»

Прогудѣлъ такъ голосъ хрипкій—
Это старый Гудъ проснулся.
Гости слушали съ улыбкой,
Но Конрадъ не улыбнулся.

«Я невинныхъ защищаю».
Раздалася рѣчь прелата.
«Развѣ старость роковая
Или юность виноваты?

Отягченный сѣдинами,
Гудъ не могъ не разоспаться;
А Оттонъ такъ юнъ лѣтами,
Что не могъ не разсмѣяться.

Смѣхъ невинный, смѣхъ веселый
Кто сочтетъ за преступленье?
Богомъ въ жизни сей тяжелой
Смѣхъ намъ посланъ въ утѣшенье».

Все собранье всполошилось,
Крикъ пронесся: «Всѣмъ прощенье!
Чтобъ ничѣмъ не омрачилось
Торжество при посвященьѣ!»

Графъ отвѣтилъ: «Я прощаю
Сына съ совѣстью покойной,

Если здѣсь о немъ узнаю
Подвигъ, рыцаря достойный».

Вышелъ тутъ въ средину залы
Человѣкъ худой и блѣдный,
Въ платьѣ мѣстнаго вассала,
Изъ округи самой бѣдной.

Онъ сказалъ: «Съ семьей несчастной,
Весь въ долгахъ, въ избѣ холодной,
Жилъ я въ бѣдности ужасной
И лишь смерти ждалъ голодной.

Но сегодня ожилъ снова:
Вслѣдъ за утренней зарею
Отъ Оттона молодого
Присланъ мнѣ кошель съ казною.

Расплачусь теперь съ долгами
И надѣюсь жить спокойно.
Такъ могу открыть предъ вами
Подвигъ, рыцаря достойный».

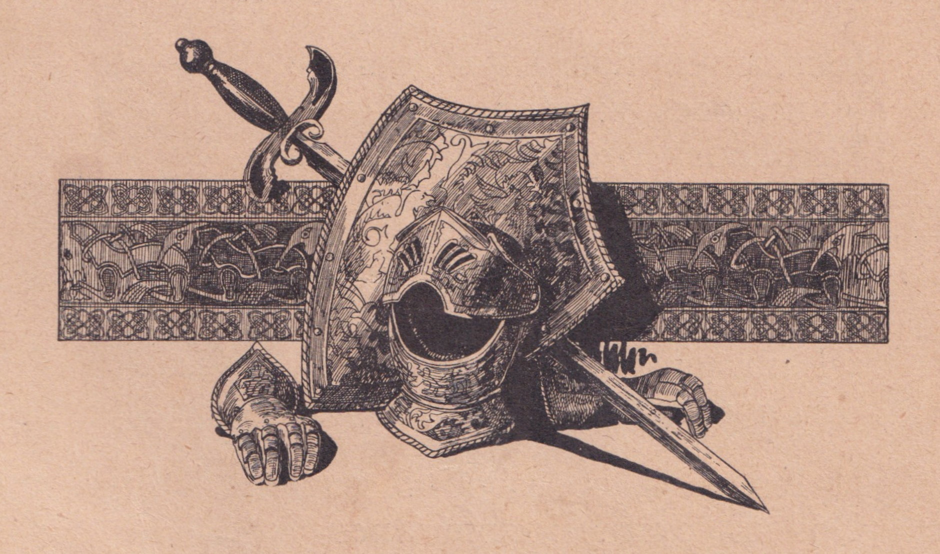
Графъ къ Оттону обратился
И услышалъ объясненье:
«Я подаркомъ подѣлился,
Что ты далъ мнѣ на рожденье».

И Конрадъ, со взоромъ яснымъ,
Обнялъ сына. Восхищались
Гости юношей прекраснымъ,
А съ балкона улыбались.

Вышли всѣ гурьбой веселой,
Отличались на турнирѣ,
А потомъ бокалъ тяжелый
Заходилъ на знатномъ пирѣ.

Загремѣла и посуда:
Вышелъ пиръ пирамъ на диво,
Было мѣсто и для Гуда:
Онъ опять заснулъ — отъ пива.

Такъ епископы, бароны,
Все собранье наслаждалось,
А для рыцаря Оттона
Такъ пятнадцать лѣтъ сравнялось.





Иванъ Ивановичъ Рѣдичкинъ сидѣлъ въ канцеляріи передъ какой-то бумагой, старательно разглядывая ее черезъ круглые очки и, повидимому, недоумѣвая. Причиной его недоумѣнія было стоявшее въ черновой бумагѣ, съ которой онъ переписывалъ, слово «киргизы», написанное съ маленькой буквы. Въ послѣднее время бумаги, составляемыя новымъ его начальникомъ, молодымъ чиновникомъ изъ Петербурга, часто ставили его втупикъ. Привыкъ онъ за сорокъ три года службы писать «киргизы», «калмыки» и т. п. съ большихъ буквъ, а теперь, что ни бумага, то перемѣны, и вотъ разжалованы большія буквы въ маленькія. И это сильно смущало Ивана Ивановича.

«Нѣтъ,—думалъ онъ,—все пошло по-новому: и буквы мѣняются, кто ихъ знаетъ, почему, и слова пошли такія,

что ихъ не разберешь». Вспомнилъ онъ рѣчь новаго начальника, которую тотъ держалъ къ подчиненнымъ, гдѣ, между прочимъ, говорилось, что «институтъ чиновниковъ есть базисъ государственнаго благоустройства» и что чиновники должны «хранить канцелярскую тайну и избѣгать всякихъ интервьюеровъ». Отъ этой рѣчи у Ивана Ивановича дня три потомъ голова болѣла.

«Нѣтъ,—думалъ онъ,—не гожусь ужъ я здѣсь. Эхъ, кабы не Нюта! Давно бы со службы ушелъ». И онъ посмотрѣлъ на своихъ сослуживцевъ, такихъ же, какъ и онъ, вольнонаемныхъ писцовъ, не имѣющихъ чина,— это все были юнцы, которыхъ онъ зналъ чуть ли не съ ихъ рожденія и до сихъ поръ называлъ Васей и Петей, а они его звали дѣдушкой.

Маленькаго роста, тщедушный, лысый, съ сѣдою каемочкою на головѣ отъ виска до виска, съ морщинистымъ, въ видѣ печенаго яблока, лицомъ, съ маленькими сѣрыми глазами, какъ-то вопросительно смотрѣвшими изъ стариковскихъ очковъ, онъ имѣлъ видъ старше своихъ шестидесяти восьми лѣтъ.

Немногіе изъ старыхъ знакомыхъ могли запомнить, когда онъ сдѣлалъ себѣ давно порыжѣвшую отъ времени шубу, порыжѣвшее пальто и прочее залоснившееся платье. Только калоши, безъ которыхъ Иванъ Ивановичъ никогда никуда не ходилъ, были пріобрѣтены сравнительно недавно, не болѣе семи лѣтъ, и держались еще хорошо, потому что онъ избѣгалъ мощеныхъ улицъ и тротуаровъ, путешествуя по мягкимъ немощенымъ переулкамъ. Такіе пути хотя иногда бывали и дальше, но не могли такъ губительно дѣйствовать на обувь, какъ мостовая.

Иванъ Ивановичъ былъ вдовъ, женившись шестидесяти пяти лѣтъ, при чемъ женитьба была для него самого неожиданностью. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти жившей съ нимъ сестры онъ остался одинокимъ въ своемъ наслѣдственномъ домикѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ и кухни, и порѣшилъ пустить жильцовъ. Поселился механикъ съ женою нѣмкою, Аделаидой Карловной, и маленькой дочкой Нютой. Механикъ какъ-то попалъ подъ колесо машины и умеръ, а черезъ шесть недѣль его вдова, которая и раньше завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ Ивана Ивановича, объявила, что Иванъ Ивановичъ долженъ на ней жениться, потому что иначе ей некуда дѣваться съ дочкой. Такъ какъ Иванъ Ивановичъ былъ вообще не способенъ сопротивляться, то свадьба немедленно состоялась. Но Аделаидѣ Карловнѣ недолго пришлось пробыть въ новомъ замужествѣ: черезъ два года ее похоронили рядомъ съ механикомъ, и остался Иванъ Ивановичъ вдовцомъ съ двѣнадцатилѣтней падчерицей Нютой.

Нельзя сказать, чтобы женитьба на Аделаидѣ Карловнѣ была желаннымъ событіемъ для Ивана Ивановича; но кто заглянулъ бы поглубже въ его душу передъ свадьбой, тотъ замѣтилъ бы тамъ нѣчто пріятное, а именно—радость, что Нюта, къ которой онъ привыкъ, останется навсегда съ нимъ. Онъ не могъ себѣ представить существованія безъ этого ребенка, который дарилъ его своею милою дѣтскою привязанностью. Съ самаго переселенія въ его домъ дѣвочка звала его «дѣдуней» и, какъ только онъ возвращался со службы, являлась къ нему болтать, разсказывать и засыпала его вопросами.

— А мамаша курочку купила! А дѣдуня принесъ мнѣ пряничковъ?—лепетала она, еще бывши шестилѣтнимъ ребенкомъ.

Когда Нюта поступила въ школу, то радовала родителей и дѣдуню похвальными листами, хотя учиться было почти некогда, потому что Аделаида Карловна, по возвращенiи дѣвочки изъ школы и по праздникамъ, постоянно прикомандировывала ее къ себѣ по хозяйству: стряпать въ кухнѣ, подметать полы, убирать комнаты, накрывать на столъ, сбѣгать въ лавочку, и для множества подобныхъ дѣлъ. Кромѣ того, нѣмка строго слѣдила, чтобы дочь своевременно научилась шить и вязать.

Когда Аделаида Карловна умерла, все бремя хозяйства пало на двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, только что окончившую курсъ школы. Конечно, дѣдуня взялъ кухарку; но за два съ полтиной въ мѣсяцъ прислужница, по имени Соломонида, или Солоша, явилась далеко не изъ опытныхъ и усердныхъ, и дѣвочка цѣлый день была занята домашнимъ хозяйствомъ.

Жизнь Ивана Ивановича шла почти неизмѣннымъ порядкомъ: утромъ онъ ежедневно чистилъ чрезвычайно осторожно свое платье, не замѣчая перемѣны его цвѣта и съ улыбкою удовольствiя приглядываясь къ тѣмъ мѣстамъ, которыя были заштопаны Нютой. Продолжительно помолившись, онъ выходилъ въ Нюточкину комнату, гдѣ уже все было прибрано и кипѣлъ самоваръ съ поставленнымъ на немъ для болѣе основательнаго настоя чайникомъ, а у стола дожидалась довольно уже нахлопотавшаяся дѣвочка.

Кто случайно увидѣлъ бы утреннюю встрѣчу двухъ обитателей маленькаго домика, тотъ могъ бы подумать, что они перенесли, Богъ знаетъ какую, долгую разлуку— такъ сіяли ихъ лица, такъ сердечны были объятія, при которыхъ коса дѣвочки отъ стремительности движеній змѣйкой ложилась на шею дѣдуни.

За чаемъ можно было подумать, что говорятъ между собою двое дѣтей, или что дѣдуня находится въ положеніи даже младшаго члена маленькой семьи, а Нюта считаетъ своею обязанностью наблюдать за нимъ и дѣлать ему нѣкоторыя замѣчанія. Принадлежности чаепитія назывались не иначе, какъ уменьшительными именами: чаекъ, сахарокъ, молочко. По поводу какого-нибудь упавшаго изъ рукъ дѣдуни куска сахару раздавался продолжительный серебристый смѣхъ дѣвочки, которому вторилъ смѣхъ стариковскій. Дѣдуня получалъ наставленіе, сколько лить молочка въ чаекъ, хорошенько размѣшивать сахарокъ въ чашечкѣ, скушать весь кусочекъ булочки.

Затѣмъ, одѣтый и застегнутый Нюточкиными руками, дѣдуня выступалъ въ путешествіе по мягкимъ переулкамъ въ канцелярію, и долго еще лицо его сохраняло выраженіе полнаго счастія, и передъ глазами сохранялся образъ не менѣе счастливой дѣвочки.

По мѣрѣ приближенія къ канцеляріи, лицо дѣдуни теряло свое блаженное выраженіе, становилось какимъ-то равнодушнымъ, съ оттѣнкомъ привычной покорности и чего-то вопросительнаго въ глазахъ, точно онъ недоумѣвалъ, зачѣмъ это онъ идетъ изъ своего безмятежнаго домика въ совсѣмъ ненужное ему общество. Если не

замѣтно было горечи на его лицѣ, то только вслѣдствіе убѣжденія, что итти и работать нужно не столько для себя самого, сколько для Нюты. И эта послѣдняя мысль заставляла старика работать еще усерднѣе и аккуратнѣе, хотя усердіе и аккуратность и безъ того лежали въ его натурѣ. Иванъ Ивановичъ признавалъ единственно серьезной жизнью только жизнь въ домикѣ.

Много было остротъ между сослуживцами относительно его поздней женитьбы и относительно его замкнутаго образа жизни; но Иванъ Ивановичъ или отмалчивался, или неопредѣленно улыбался, иногда отвѣчая: «Да оно, того, значитъ, такъ ужъ». Впрочемъ, надо замѣтить, что всѣ остроты отличались добродушнымъ тономъ, потому что Иванъ Ивановичъ не могъ вызвать къ себѣ иного отношенія.

Отработавъ положенное число часовъ, Иванъ Ивановичъ возвращался къ себѣ, и, по мѣрѣ приближенія къ дому, въ лицѣ его совершалась перемѣна, обратная той, которая происходила при утреннемъ путешествіи: лицо постепенно прояснялось и при входѣ въ сѣни принимало блаженное выраженіе.

Но бывали и исключенія. При всемъ усердіи къ службѣ Иванъ Ивановичъ въ послѣднее время не любилъ, когда приходилось брать работу изъ канцеляріи на домъ, а это случалось, если было много срочной переписки. Онъ зналъ, что эта переписка лишитъ его возможности жить одною жизнью съ Нютой. Тогда Иванъ Ивановичъ подходилъ къ дому въ нѣсколько мрачномъ настроеніи. Но особенно бывалъ онъ мраченъ, когда приходилось работать еще и за другихъ.

Сослуживцы его, Вася и Петя, частенько, какъ онъ выражался, «лоботрясничали» въ канцеляріи и незамѣтно удирали со службы, оставляя цѣлую кипу не переписанныхъ срочныхъ бумагъ, которыя приходилось ему тащить на домъ. На другой день обыкновенно Вася и Петя начинали врать, будто и не знали, что такъ много работы; но потомъ каялись, что ушли тайкомъ потому, что спѣшили въ веселую компанію.

Иванъ Ивановичъ всегда ворчалъ на нихъ: «Ишь, того, лоботрясы, гулены! А я, того, за васъ отдувайся», говорилъ онъ, хотя въ глубинѣ души его таилось нѣкоторое удовольствіе, что онъ могъ побаловать молодыхъ людей. Но все-таки, возвращаясь домой съ навязанной ему перепиской, онъ испытывалъ непріятное чувство.

Впрочемъ, это чувство не могло удержаться, какъ только въ домѣ раздавалось: «Дѣдуня, это вы?»—и бѣлокурая головка съ улыбающимися сѣрыми глазами выглядывала изъ кухни. Бываетъ вѣдь, что черное облако закрываетъ солнце. Но вдругъ солнце прорвется, облако задымится и совсѣмъ растаетъ, оставивъ одно свѣтлое небо. Такъ случалось и съ Иваномъ Ивановичемъ при звукѣ милаго голоса и при видѣ бѣлокурой головки.

— Ахъ, ты, того, плутовка! Узнала, что дѣдуня!— И съежившіяся морщинки таяли, и на мѣсто ихъ появлялось сіяніе.

— А у насъ столъ накрытъ, и будетъ киселекъ,— щебетала дѣвочка, бережно снимая съ дѣдуни древнее одѣяніе и благоговѣйно вѣшая его на обычное мѣсто.

— Знаете, дѣдуня! Солоша такая смѣшная: она до этихъ поръ не научилась кисель варить и удивляется, какъ я его дѣлаю.

Обѣдъ начинался обычнымъ, ежедневнымъ замѣчаніемъ: «Дѣдуня, вы забыли помыть руки».

Это было постоянное требованіе Нюты, которое Иванъ Ивановичъ забывалъ ежедневно, забывалъ роковымъ образомъ и каждый разъ страшно конфузился еще со временъ Аделаиды Карловны.

За обѣдомъ юная хозяйка великолѣпно справлялась съ наливаніемъ, разрѣзываніемъ и накладываніемъ кушаній и безъ-умолку разсказывала, какъ на базарѣ было много капусты, которая подешевѣла на цѣлыхъ двѣ копейки; какъ Нюта встрѣтила свою бывшую учительницу Маргариту Степановну, которая приготовила еще новыхъ книгъ почитать; какъ Солоша положила въ кухонную печку лишнее полѣно, которое пришлось вынимать, и оно начадило даже въ комнатахъ, — и о многомъ-многомъ, чѣмъ была наполнена жизнь дѣвочки съ утра до обѣда.

Эти разсказы пересыпались смѣхомъ и критическими замѣчаніями: «Дѣдуня! Вы опять вытерлись скатертью!» «Вы обожжетесь, дѣдуня!» и т. п.

А дѣдуня, дѣйствительно, дѣлалъ всѣ эти промахи, потому что или заглядывался на веселенькое, розовенькое личико милой дѣвочки, или заслушивался подробностей о томъ, что носъ у мужика, продающаго капусту, дѣлается съ каждымъ базаромъ все болѣе похожимъ на кочерыжку; что Маргарита Степановна говоритъ двумя голосами: со всѣми людьми тонкимъ голосомъ, а съ



Дѣдушка и Нюта.

ученицами какимъ-то басомъ; что одно полѣно сегодня было похоже на сторожа старухи-сосѣдки; что Солоша три раза видѣла во снѣ курицу, которая кричала пѣтухомъ.

Эти разсказы сопровождались восклицаніями дѣдуни: «Ну, дѣточка, ужъ ты, того!» или: «Ахъ, ты, стрекоза, того, голубая!» и другими въ томъ же родѣ и смѣхомъ, переходившимъ въ старческій кашель, всегда пугавшій Нюту и вызывавшій ея возгласъ: «Нельзя же такъ смѣяться, дѣдунечка!»

Послѣ обѣда полагалось дѣду́нѣ отдохнуть, т.-е. соснуть часокъ-другой, а Нюта, окончивъ хозяйственныя хлопоты, усаживалась въ уголокъ почитать книжки, которыми снабжала ее Маргарита Степановна.

Послѣ вечерняго чая съ крендельками, въ программу дня входило чтеніе вслухъ Нютой исторіи Карамзина, которая была единственной наслѣдственной библіотекой Ивана Ивановича. Въ исторіи они дошли до татарскаго нашествія, при чемъ Иванъ Ивановичъ не извлекалъ никакихъ историческихъ свѣдѣній, а восторгался громкими словами, въ родѣ: «Древляне воплемъ изъявили раскаяніе»; или: «Сей князь мужественный и великодушный». Въ такихъ мѣстахъ Иванъ Ивановичъ вздыхалъ, умилялся и иногда даже утиралъ слезы.

Нюта, относившаяся къ этой исторіи съ уваженіемъ, потому что ее любилъ дѣдуня, и вникавшая въ содержаніе, иногда дѣлала свои примѣчанія; напримѣръ, читая: «Въ сіе время Всеволодъ, братъ Ярославовъ», прибавляла: «Помните, дѣдуня: это тотъ самый, что ходилъ на Черниговъ». Иванъ Ивановичъ тогда отвѣчалъ: «А Богъ его знаетъ! Можетъ-быть, того, и тотъ». Или удивлялся:

«Ишь ты, умница! Ты все, того, помнишь. А я ничего, того, не разберу. Да Богъ съ ними! Читай, дѣточка, дальше».

Но въ тѣ дни, когда Иванъ Ивановичъ приносилъ переписку на домъ, не только чтенiе Карамзина, но даже самый отдыхъ на часокъ не могли состояться. Какъ ни просила Нюта, чтобъ ей позволено было помочь въ этой работѣ, для чего даже нарочно научилась очень красиво писать, Иванъ Ивановичъ рѣшительно отклонялъ ея помощь, утверждая, что переписка казенныхъ бумагъ—дѣло не женское. Кромѣ нѣкотораго убѣжденiя, что это дѣло не женское, Иваномъ Ивановичемъ въ этомъ случаѣ руководило еще и опасенiе утомить дѣвочку, чего онъ боялся больше всего на свѣтѣ.

Какъ только Иванъ Ивановичъ принимался за свое писанье, въ домикѣ водворялась полнѣйшая тишина: Нюта читала свои книжки, а Солоша ходила на цыпочкахъ, и Боже избави, если раздавался малѣйшiй стукъ въ кухнѣ! Нюта опрометью бѣжала туда, и лились самыя горькiя укоризны по адресу неосторожной прислужницы, которая и безъ того уже глубоко раскаивалась, что могла бы помѣшать такому важному и таинственному священнодѣйствiю, какъ писанье Ивана Ивановича.

Лицо Ивана Ивановича, при видѣ бумагъ, принимало обычное въ канцелярiи выраженiе печенаго яблока. Онъ нѣсколько времени усаживался, старательно высмаркивался и клалъ платокъ на столъ съ правой стороны; устраивалъ поудобнѣе очки, смотрѣлъ перо на свѣтъ—и приступалъ..

По мѣрѣ углубленія въ важную работу, голова Ивана Ивановича клонилась все болѣе и болѣе на лѣвую сторону, очки съѣзжали на кончикъ носа, ротъ раскрывался, и нижняя губа такъ подвертывалась внутрь, что совершенно исчезала.

При всѣхъ такихъ явныхъ признакахъ увлеченія напрасно было бы думать, что Иванъ Ивановичъ интересовался содержаніемъ переписаннаго. Одинаково,— «не вѣдая ни жалости ни гнѣва»,—переписывалъ онъ и объ отдачѣ въ каторжную работу, и о награжденіи орденомъ, и никто на свѣтѣ не могъ бы ничего узнать отъ Ивана Ивановича, кромѣ того, какими номерами помѣчены и чьею рукою писаны его черновики.

Однако работа Ивана Ивановича неоднократно сопровождалась вздохами, происходившими не отъ одной усталости, но и отъ разнообразныхъ филологическихъ страданій: напримѣръ, какъ ужъ мы видѣли, отъ перемѣны большихъ буквъ на маленькія, или отъ знаковъ препинанія, особенно точки съ запятой, значеніе которой для него оставалось во всю жизнь сокрушительно непостижимымъ.

А Нюта въ это время читала и задумывалась. Читала она, какъ на войнѣ одинъ раненый былъ забытъ на полѣ сраженія, и думала, какъ страшно на войнѣ, и зачѣмъ люди воюютъ, и хотѣлось ей ходить по полю битвы и ухаживать за бѣдными ранеными. Читала она, какъ молодая крестьянская дѣвушка, разбитая параличомъ, лежала одна въ сараѣ, пѣла и радовалась на птичекъ и пчелокъ, и Нютѣ хотѣлось пойти въ этотъ сарай, крѣпко поцѣловать эту дѣвушку и пожить вмѣстѣ

съ нею. Читала она, какъ мальчикъ замерзъ и попалъ къ Христу на елку, и передъ нею рисовались картины, какъ много бездомныхъ дѣтей, и какъ они страшно страдаютъ, и она давала себѣ обѣщаніе отыскивать этихъ бѣдняжекъ и не допускать ихъ замерзать на улицѣ.

Такія мечты постоянно прерывались взглядами черезъ отворенную дверь на склоненную на бокъ голову съ сѣдою каемкою и замѣнялись мечтами о томъ времени, когда Нюта будетъ большая и не позволитъ дѣдунѣ ходить въ канцелярію и вздыхать надъ бумагами.

Когда на ночь, послѣ взаимнаго крестнаго знаменія, дѣдуня и Нюта расходились по своимъ комнатамъ, то у каждаго слышны были земные поклоны и съ одной стороны шопотъ: «Спаси Господи, милаго моего дѣдуню», а съ другой: «Спаси, Царица Небесная, отроковицу Анну», и старческія мысли добавляли: «Милую мою дѣточку, мою Нюточку».

Въ тотъ день, съ котораго начался этотъ разсказъ, Иванъ Ивановичъ возвращался домой съ особенно большой кипой бумагъ, поэтому былъ въ особенно мрачномъ настроеніи. Это настроеніе не окончилось и при входѣ въ домъ, потому что Нюта не вышла навстрѣчу.

Случалось и прежде, что онъ не видалъ ея тотчасъ по возвращеніи, и каждый разъ сердце его начинало сжиматься при мысли, не произошло ли какого-нибудь несчастія, не заболѣла ли дѣвочка; но до сихъ поръ его опасенія не оправдывались, потому что Нюта весьма скоро выпархивала, чтобы помочь дѣдунѣ снять верхнее платье.

Случалось и такъ, что Нюты, дѣйствительно, не было дома; но объ этомъ Иванъ Ивановичъ зналъ раньше, съ утра, когда уходилъ въ канцелярію, и они совѣщались, что Нюта должна навѣстить кого-нибудь изъ немногихъ знакомыхъ и можетъ запоздать къ обѣду, просидѣвъ, напримѣръ, подольше у больныхъ, посѣщать которыхъ дѣвочка считала своею святою обязанностію, и съ которыми она удивительно ловко и находчиво умѣла обращаться.

На этотъ разъ Нюта такъ и не вышла навстрѣчу. Старикъ раздѣлся одинъ, а изъ кухни появилась Солоша и сообщила, что барышня ушла и оставила на столѣ «грамотку». Подобныхъ случаевъ никогда не было. У Ивана Ивановича руки похолодѣли.

«Что такое? Что такое?» думалъ онъ, дрожащими руками раскрывая записку.

«Милый мой и неоцѣненный дѣдуня! Съ базара я зашла къ Маргаритѣ Степановнѣ. Она очень больна, и кухарка ея тоже. Некому за ними ходить, потому что домовая хозяйка уѣхала на хуторъ. А у нихъ жаръ, и онѣ просятъ пить. Я посижу у нихъ, а когда пріѣдетъ хозяйка, я сейчасъ же вернусь къ вамъ. Не сердитесь, милый дѣдуня, и кушайте безъ меня, если я не успѣю къ обѣду. Любящая Васъ дочка Нюта».

Прочелъ Иванъ Ивановичъ и страшно взволновался. Помнилъ онъ, какъ цѣлыхъ двѣ недѣли каждый день Нюта навѣщала бывшую школьную подругу, которая сломала себѣ ногу; какъ заходила къ старухѣ-сосѣдкѣ, когда у той разыгрывался ревматизмъ, и она звала Нюту, потому что никто, кромѣ Нюты, по ея мнѣнію,

не умѣлъ такъ хорошо растирать мазью и укрывать, послѣ чего, будто бы, даже боли совсѣмъ утихали. О всѣхъ такихъ посѣщеніяхъ Иванъ Ивановичъ зналъ напередъ, а теперь неожиданность случая его поразила.

Онъ долго разспрашивалъ Солошу, которая пояснила во всѣхъ подробностяхъ, какъ онѣ съ барышней ходили на базаръ, какъ Нюта пошла къ «Гармонидѣ» Степановнѣ, какъ Солоша затопила печку, начала готовить обѣдъ, и какъ барышня приходила въ то время, когда Солоша вычистила картошку и стала крупу промывать, а потомъ барышня опять ушла, оставивъ записку, и приказала подать обѣдъ барину одному.

Иванъ Ивановичъ обѣдать не сталъ и не могъ ничѣмъ заняться, а все ходилъ изъ комнатъ, гдѣ нѣсколько разъ перечитывалъ записку, въ кухню, гдѣ десятый разъ выспрашивалъ, какъ возвращалась и уходила Нюта, и десятый разъ выслушивалъ, что она возвращалась именно тогда, когда Солоша вычистила картошку и стала крупу промывать.

Эти путешествія Иванъ Ивановичъ иногда долженъ былъ прерывать и садиться на стулъ, потому что ноги его дрожали, сердце непріятно билось, и голова мутилась отъ волненія. Это волненіе давало себя сильно чувствовать при его старости и слабомъ организмѣ, который въ послѣднее время часто отказывался переносить не только такія неожиданности, но даже внезапный стукъ, окрикъ или слишкомъ громкій возгласъ, долгое стояніе въ церкви, извѣстія о страшныхъ болѣзняхъ или смерти, — все это отражалось на старикѣ головокруженіемъ, сердцебіеніемъ и слабостью въ ногахъ

Какъ ни старался увѣрить себя Иванъ Ивановичъ, что ничего особеннаго не произошло, что пойти и засидѣться у больной—дѣло самое обыкновенное, что это даже очень хорошо со стороны Нюты, но ничего не могъ съ собою подѣлать: безпокойство его не оставляло.

Наконецъ Нюта вернулась, съ одной стороны довольная, что ей удалось услужить больнымъ, съ другой — озабоченная за дѣдуню. Но она испугалась, узнавши, что онъ не обѣдалъ, и увидавши его измученное лицо.

— Дѣдунечка! Да что же это вы? Вѣдь вы всегда радовались, когда я къ больнымъ хожу!

— Ну, хорошо, хорошо, дѣточка! Я и теперь, того, радъ. Вотъ ты—слава Богу, и я, того, ничего.

— Дѣдунечка, простите, милый! Я не знала, что вы будете такъ безпокоиться и кушать не станете.

И дѣвочка, обнявъ шею дѣдуни, со слезами прижалась къ его плечу.

— Ахъ ты, Господи! Что ты, дѣточка? Вѣдь я это такъ. Мнѣ и ѣсть не хотѣлось. Ты-то, того, не кушала и устала. Вотъ что!

Нюта разсказала, какъ Маргарита Степановна лежала въ забытьи и бредила, а кухарка все стонала: «Охъ, смерть моя пришла! Охъ, моченьки моей нѣту!» Какъ все это было страшно, какъ, наконецъ, пріѣхала съ хутора хозяйка, и пришелъ докторъ, который долго осматривалъ больныхъ, былъ очень серьезенъ и велѣлъ Нютѣ итти домой.

Несмотря на водворившееся, повидимому, спокойствіе, въ домикѣ чувствовалось что-то особенно тревож-

ное во весь вечеръ, и, когда каждый принялся за свое дѣло, дѣла не клеились.

Иванъ Ивановичъ чрезвычайно часто ошибался и подскабливалъ перочиннымъ ножомъ, особенно много вздыхалъ и часто сморкался, а Нюта по нѣскольку разъ перечитывала одну и ту же страницу и не могла заинтересоваться чтеніемъ, чего съ нею никогда не бывало. Она все смотрѣла на сѣдую каемку, и неотвязныя мысли появились у нея въ головѣ: что будетъ, если дѣдуня останется безъ нея, или, что будетъ, если она останется безъ дѣдуни,—и дѣвочка не могла себѣ представить, чтобы такія положенія были возможны. А когда она улеглась въ постель, то никакъ не могла дать себѣ отчета, почему она не рѣшилась передать дѣдунѣ все, что сказалъ докторъ, который строго и озабоченно къ ней обратился: «Вы тутъ, барышня, зачѣмъ? Отправляйтесь домой и сюда больше не показывайтесь, если не хотите заболѣть».

Иванъ Ивановичъ, перекрестивъ Нюту на ночь, остался за своей перепиской, но скоро поймалъ себя на томъ, что онъ давно уже не пишетъ, а сидитъ, устремивъ глаза въ одну точку, старается что-то вспомнить, что-то себѣ уяснить, но слабая голова его отказывается, а онъ никакъ не можетъ успокоиться, самъ не зная, почему, и старческія слезы нѣтъ-нѣтъ, да и выкатятся изъ-за вѣкъ и застываютъ на морщинистыхъ щекахъ.

Утро наступило невеселое. Иванъ Ивановичъ не кончилъ своей ночной срочной работы, что его очень мучило вмѣстѣ съ головной болью отъ безпокойно проведенной ночи. Нюточка имѣла вялый видъ, глазки

ея потускнѣли, и на этотъ разъ всѣ утреннія сцены не имѣли своего обычнаго беззаботнаго, веселаго характера. Чувствовалось обоимъ не по себѣ, и хотя они это тщательно старались скрыть, но въ каждомъ взглядѣ сквозилъ какой-то страхъ и опасенія другъ за друга.

По уходѣ Ивана Ивановича, Нюта сходила на базаръ, повозилась въ кухнѣ, но, наконецъ, покаялась Солошѣ, что у нея болитъ голова, и даже прилегла до прихода дѣдуни.

И этотъ день прошелъ, какъ бываетъ въ сѣрую, уже холодную осень, когда по небу ползутъ свинцовыя тучи, безъ вѣтра и снѣга, но знаешь, что скоро за ними послѣдуютъ другія, которыя разразятся жестокой мятелью подъ вой свирѣпой бури, а послѣ нея морозъ закроетъ живую землю мертвой снѣжной пеленой.

На третій день Иванъ Ивановичъ совершенно не могъ работать въ канцеляріи: переписывалъ вторую строчку вмѣсто первой, путалъ буквы и, наконецъ, заявилъ, что ему нездоровится, и отправился домой. Еще наканунѣ Вася и Петя замѣтили, что «старикашка путаетъ», и похихикали на его счетъ; но теперь и они увидали, что старику нехорошо, и взяли его работу на себя.

У Ивана Ивановича, собственно, ничего не болѣло; а онъ ежеминутно или, лучше сказать, ежесекундно думалъ, не переставая, о Нютѣ, хотя и въ это утро она увѣряла его, что совершенно здорова. Сердце Ивана Ивановича какъ сжалось два дня назадъ, такъ и не разжималось, а, наоборотъ, сжималось все тѣснѣе и

тѣснѣе, а теперь билось въ какихъ-то тискахъ. Неожиданно вернувшись домой, онъ засталъ Нюту въ постели, съ которой она не могла уже подняться.

Тутъ только понялъ старикъ, что его мучило все это время, и вспомнилъ то, чего долго не могъ припомнить. Недѣлю тому назадъ одинъ изъ его сослуживцевъ не явился на службу, потому что его жена заболѣла прилипчивой болѣзнью, гулявшей по всему городу. Эту болѣзнь называли тифомъ, и отъ нея многіе умирали. Иванъ Ивановичъ, вообще мало принимавшій участія въ жизни его окружающихъ въ канцеляріи, слушалъ объ этой болѣзни невнимательно и, испугавшись за больную и разстроившись, постарался подавить свое волненіе и поскорѣе вытѣснить печальныя мысли, лично, какъ ему казалось, ни его ни Нюты не касавшіяся.

Онъ забылъ объ этомъ обстоятельствѣ, забылъ о немъ и тогда, когда Нюта была у больной учительницы, и только теперь оно предстало передъ нимъ во всей силѣ своего значенія, хотя послѣдніе дни, самъ не сознавая, онъ тревожился именно по этому поводу.

Теперь одна мысль стояла у него въ головѣ: неужели его дѣточка больна этой страшной болѣзнью?

А дѣточка лежала съ полуопущенными вѣками и собирала всѣ усилія, чтобы успокоить своего дѣдуню.

— Это ничего, дѣдуня: у меня головка немножко болитъ. Скоро пройдетъ. — И дѣдуня, съ вытянутымъ, испуганнымъ лицомъ, полусознательно лепеталъ:

— Пройдетъ, дѣточка. Это, того, всегда проходитъ.

Безъ мыслей, безъ какого-либо соображенія, онъ сѣлъ около Нюты и бормоталъ: «Пройдетъ, того; это всегда, того, проходитъ». Наконецъ онъ кое-какъ пришелъ въ себя и сообразилъ, что надо позвать доктора, который отысканъ былъ Солошей и не сказалъ ничего утѣшительнаго.

Потекли мучительные дни и ночи. Лежащую въ безсознательномъ состояніи дѣвочку сторожилъ доведенный горемъ до безсознательнаго состоянія старикъ. Онъ не ѣлъ, не спалъ и потерялъ способность понимать что-либо, кромѣ ея болѣзни, и слушать что-либо, кромѣ ея лепета.

Когда Соломонида спрашивала его, что сказать разсыльному изъ канцеляріи, явившемуся узнать, придетъ ли баринъ на службу, старикъ долго на нее глядѣлъ, не понимая, чего ей надо, и, наконецъ, пробормоталъ: «Какой разсыльный? Никакихъ канцелярій нѣтъ».

Пришла старуха-сосѣдка и предложила ему отдохнуть, а самой посидѣть около Нюты; онъ не узналъ сосѣдки и чуть было не ударилъ, когда она потянула его за рукавъ. Вася и Петя долго его звали по имени, но онъ не оглянулся на нихъ и, повидимому, не замѣтилъ ихъ присутствія.

Но удивительно и внимательно онъ встрѣчалъ и выслушивалъ доктора и выполнялъ всѣ его предписанія относительно Нюты, съ которою вступалъ въ разговоръ, принимая участіе въ ея бредѣ. Дѣвочка бредила какими-

то голубками, которые летали въ окошко къ дѣдунѣ; съ кѣмъ-то спорила, что дѣдуня ея красавчикъ; просила воображаемую Маргариту Степановну почитать о татарахъ. И слушавшій все это дѣдуня дѣлалъ видъ, что выгоняетъ голубей, соглашался, что онъ красавчикъ, и утверждалъ, что Маргарита Степановна прекрасно читаетъ, — въ полномъ убѣжденіи, что больная его слышитъ и понимаетъ. Но рѣшительно отказывался говорить съ другими, хотя въ комнатѣ постоянно появлялись навѣщавшіе больную дѣвочку, кто не слыхалъ о прилипчивости ея болѣзни или не вѣрилъ ей и кто считалъ долгомъ благодарности посѣтить Нюту. То приходила посланная отъ выздоравливающей Маргариты Степановны; то отъ подруги, которую Нюта когда-то навѣщала; то сосѣдскій сторожъ, котораго Нюта по праздникамъ угощала кускомъ пирога; то нищенка, пользовавшаяся отъ нея щедрымъ подаяніемъ; то даже торговка съ базара, болѣзнующая о доброй барышнѣ, съ которою привыкла встрѣчаться каждый день.

Старикъ ничего не видѣлъ, весь сосредоточившись на одной своей ненаглядной дѣточкѣ, и отъ безсонницы, отъ отсутствія пищи, отъ страшнаго напряженія нравственныхъ силъ таялъ съ каждымъ днемъ, еще болѣе съежившись и совершенно, казалось, высохши. Жизнь его теперь заключалась въ одной, едва замѣтной и едва тлѣющей искрѣ, уже готовой погаснуть окончательно.

Была ночь. Соломонида спала въ кухнѣ, положивъ голову на столъ; приглашенная ею нищенка спала на

полу на своей рваной сумѣ. Въ комнатѣ Нюты теплилась лампадка передъ иконами и освѣщала розовые цвѣточки на обояхъ, розовыя занавѣски на окнахъ, два стула, обитые свѣтленькимъ ситцемъ; столикъ, покрытый кисейной скатертью съ просвѣчивающимъ розовымъ коленкоромъ, теперь весь уставленный лѣкарствами и принадлежностями для лѣченія; комодикъ, такъ же покрытый и такъ же уставленный; кроватку, гдѣ подъ розовымъ одѣяломъ лежала дѣвочка, и сидѣвшаго передъ нею дѣдуню, совсѣмъ сгорбившагося, совсѣмъ сморщившагося, съ помутившимся разсудкомъ, съ помутившимися, немигающими глазами, которыхъ онъ не сводилъ съ лица дѣвочки.

На улицѣ гдѣ-то стучала колотушка, въ другой комнатѣ тикали старые часы, а здѣсь слышно было тяжелое, прерывистое дыханіе и слабый шепчущій бредъ больной дѣвочки. Дѣдуня слушалъ: «Дѣдуничкѣ цвѣточковъ на бѣлую бумажку... Какъ много бумаги!»

Гдѣ-то далеко зазвучалъ колоколъ: медленно отбивалъ часы на колокольнѣ церковный сторожъ. Дѣдуня опять слушалъ: «Спаси, Господи, милаго моего дѣдуню», донесся до него чуть замѣтный, точно засыпающій шопотъ съ кровати и затихъ.

«И мою милую дѣточку, мою Нюточку», хотѣлъ произнести дѣдуня, но голосъ и губы его не послушались. Вдругъ все вокругъ него потемнѣло, его началъ сковывать какой-то холодъ, глаза его закрылись, очки свалились, руки повисли, и голова запрокинулась на спинку кресла, на которомъ онъ сидѣлъ.

Едва тлѣвшая искра жизни погасла въ измучившемся старомъ тѣлѣ.

Мерцающій свѣтъ лампадки свѣтилъ попрежнему и кротко озарялъ скончавшагося дѣдуню и подъ розовымъ одѣяльцемъ дѣвочку, тихо спящую крѣпкимъ сномъ, который бываетъ, когда совершается переломъ болѣзни, и наступаетъ первый моментъ выздоровленія.

Въ городскомъ пріютѣ для неизлѣчимо больныхъ стариковъ за ними ухаживаютъ сестры милосердія, со старшею сестрою во главѣ. Старики всѣ преплохіе: слѣпые, искалѣченные, параличные, чахоточные; отъ болѣзней, отъ старости и отъ скуки охаютъ, стонутъ, ворчатъ. Но обыкновенно ворчанье прекращается, охи и стоны затихаютъ, когда появляется старшая сестра, общая любимица всѣхъ этихъ несчастныхъ, которые и въ глаза и за глаза называютъ ее «матушка наша, милая наша, родная наша Анна Ивановна».

Съ озабоченнымъ, сострадающимъ, но неизмѣнно привѣтливымъ лицомъ Анна Ивановна ходитъ отъ старика къ старику, со всѣми успѣетъ поговорить, всякаго старается утѣшить, внимательно слѣдитъ за лѣченіемъ и уходомъ и неизмѣнно ласковымъ голосомъ всѣхъ ихъ называетъ «дѣдунечками».

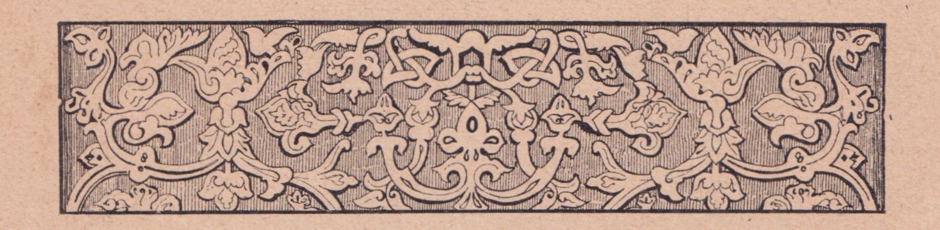
Нечего и говорить, что старики души въ ней не чаютъ и дорожатъ и интересуются всѣмъ до нея касающимся. Они отлично знаютъ ея біографію и съ охотой разсказываютъ, какъ она осталась сиротой послѣ своего вотчима, который любилъ ее больше всего на

свѣтѣ и котораго она такъ же любила; какъ ее взяла послѣ его смерти подъ свое покровительство учительница; какъ дѣвочка, потрясенная смертью своего дѣдуни, отказалась отъ всѣхъ житейскихъ удовольствій и рѣшила итти въ сестры милосердія; какъ потомъ поступила въ общину, откуда перешла въ пріютъ для стариковъ, гдѣ служитъ уже много лѣтъ и пользуется особымъ уваженіемъ и начальства и всѣхъ имѣющихъ отношеніе къ пріюту.

Старики разсказываютъ, что Анна Ивановна по отцу собственно «Петровна», но любитъ, чтобы ее звали Ивановной, и всѣ ее такъ зовутъ; что она хлопотала перемѣнить свою фамилію на фамилію вотчима; ей это удалось, и теперь она подписывается «Рѣдичкина»; что до сихъ поръ нѣтъ для нея бо́льшаго удовольствія, какъ поговорить о своемъ покойномъ дѣдунѣ; что она обращается съ своими паціентами, какъ съ маленькими дѣтьми, называетъ ихъ глаза—глазками, руки—ручками, халаты—халатиками; читаетъ имъ наставленія, чтобы они не обливались и не пачкались; наблюдаетъ, чтобы вокругъ нихъ была величайшая чистота и порядокъ.

А въ комнатѣ Анны Ивановны стоитъ стариковская мебель и весьма престарѣлый письменный столъ, на которомъ помѣщается допотопная чернильница и такая же лампа; лежитъ ручка со старымъ перышкомъ, тряпочка съ выцвѣтающими чернильными мазками, и на самомъ видномъ мѣстѣ стариковскія круглыя очки. На стѣнѣ, подъ бѣлоснѣжной простыней, виситъ заштопанное и потертое мужское платье, порыжѣвшее пальто и

шуба, а подъ ними на полу еще хорошо сохранившіяся мужскія калоши. Всѣ эти вещи чистятся, оберегаются отъ малѣйшей порчи и сохраняются, какъ драгоцѣнности, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ застала ихъ смерть незабвеннаго для Анны Ивановны милаго ея дѣдуни, Ивана Ивановича Рѣдичкина.





Передъ весною.

Злыми скована морозами
И запугана угрозами
Вьюги, злобно завывающей,
Небо мракомъ закрывающей,—
Много бѣдъ земля ты вѣдала,
Горе-горькое извѣдала.

Но идетъ весна прекрасная,
Чтобы зиму гнать ненастную,
Чтобъ взлелѣять сѣмя чистое,
Травку вырастить пушистую,
Чтобъ ты травкою прикрылася,
Вся въ цвѣточки нарядилася,
Позабыла время бурное,
Глядя на небо лазурное,
Въ глубину его эѳирную,
И сама, какъ небо, мирная..





Состязаніе пѣвцовъ.

(Баллада).

По Германіи обширной
Всюду слышно ликованье:
Ландграфъ Германъ Тюрингенскій
Назначаетъ состязанье.

Но не въ ловкости и силѣ,
Не въ искусствѣ на турнирѣ—
Онъ назначилъ состязанье
Для пѣвцовъ на славной лирѣ.

Въ замкѣ Вартбургскомъ высокомъ,
Получивши приглашенье,

Собрались пѣвцы-поэты
Показать свое умѣнье.

Былъ тамъ Вальтеръ Фогельвейде,
Громкой славою покрытый,
Вольфрамъ Эшенбахъ, не меньше
Звучной лирой знаменитый.

Было десять всѣхъ поэтовъ:
Девять рыцарей извѣстныхъ,
А десятый, Офтердингенъ,
Былъ изъ бюргеровъ помѣстныхъ.

За незнатность его рода
Девять пѣть съ нимъ не хотѣли,
Но графъ Германъ приказалъ имъ,
И ослушаться не смѣли.

Пѣснопѣнье выше жизни
Миннезингеры цѣнили
И условіе такое
Для себя постановили:

Если кто на состязаньѣ
Здѣсь покроется позоромъ,
То позоръ ему немедля
Будетъ смертнымъ приговоромъ.

Испросивъ согласье графа,
Палача они призвали

И веревочныя петли
Ему сдѣлать приказали.

Такъ съ веревками на шеѣ
Всѣ по очереди пѣли,
Графъ, придворные и гости
Въ залѣ судьями сидѣли.

Много было спѣто пѣсенъ
На томъ важномъ состязаньѣ,
Въ нихъ пѣвцы передавали
Стародавнія сказанья.

Пѣли пѣсни о турнирахъ,
О сраженьяхъ безпримѣрныхъ,
О дѣяніяхъ героевъ,
О походахъ на невѣрныхъ.

О Маріи Дѣвѣ пѣли,
Какъ въ раю Она сіяетъ
И предивной красотою
Даже солнце затмеваетъ.

О любви, о сердцѣ пѣли,
Воспѣвали дамъ прекрасныхъ,
Ихъ наряды, станъ и очи
И поклонниковъ ихъ страстныхъ.

Восхваляли щедрость знатныхъ
Графовъ, герцоговъ, бароновъ,

Пѣли прелести природы,
Красоту альпійскихъ склоновъ.

Долго пѣсни раздавались,
Графъ и судьи имъ внимали,
Но рѣшить, кто пѣлъ всѣхъ лучше,
На себя они не взяли.

Лишь признали, что позоромъ
Ни одинъ здѣсь не покрылся,
И палачъ, оставшись празднымъ,
Взявъ веревки, удалился.

Но поэты безъ рѣшенья
Не хотѣли оставаться:
Кто же первымъ, кто послѣднимъ
Долженъ былъ изъ нихъ считаться?

Девять рыцарей поэтовъ,
Саномъ гордые, смущались
Тѣмъ, что съ бюргеромъ какимъ-то
Наравнѣ здѣсь оказались.

Стали думать, кто поможетъ
Разрѣшить ихъ колебанья,
И послали звать Клингсора
Быть судьей на состязаньѣ.

Онъ премудростью великой
По Германіи былъ славенъ,

Съ нимъ никто въ искусствахъ тайныхъ
И въ наукахъ не былъ равенъ.

И когда онъ прибылъ въ Вартбургъ,
Собралися въ залу снова,
И во всемъ его рѣшенью
Подчиниться дали слово.

Началося состязанье.
Девять знатныхъ менестрелей
Со стараньемъ необычнымъ
Предъ судьею мудрымъ пѣли.

Благосклонно онъ ихъ слушалъ,
Но когда запѣлъ десятый,
Что-то новое узналъ онъ,
Чуднымъ трепетомъ объятый.

Пѣснь за пѣснью Офтердингенъ
Пѣлъ, по струнамъ ударяя,
Позабывши все на свѣтѣ,
Вдохновенью лишь внимая.

И когда онъ кончилъ пѣнье,
Долго-долго все собранье
Пребывало недвижимо
И полно очарованья.

Точно въ воздухѣ остались
И дрожали пѣсенъ звуки,

Звуки радости и счастья
И какой-то сладкой муки.

И мудрецъ, какъ въ сновидѣньѣ,
Эти грезы пѣсенъ слушалъ,
Наконецъ, отъ нихъ очнувшись,
Онъ молчаніе нарушилъ:

«Родомъ знатные поэты!
Избалованные славой,
Предъ поэтомъ неизвѣстнымъ
Оказались вы не правы.

Что онъ ниже васъ сословьемъ—
Пусть васъ это не смущаетъ:
Чадъ своихъ не за породу
Богъ талантомъ награждаетъ.

Кто вамъ равенъ въ пѣснопѣньѣ,—
Будь незнатнымъ, небогатымъ—
Но, искусствомъ обладая,
Долженъ вамъ считаться братомъ.

Вѣдь всѣ люди въ Божьемъ мірѣ—
Всѣ семьи единой братья.
Офтердингену теперь же
Вы должны раскрыть объятья.

И должны мнѣ покориться,
Вашу гордость оставляя,

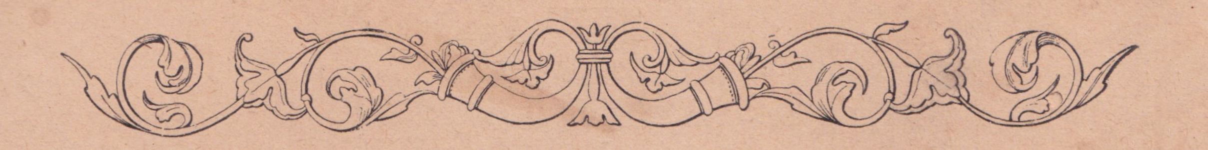
Ибо первымъ между вами
Здѣсь его я объявляю».

Такъ Клингсоръ изрекъ рѣшенье.
Старцу мудрому дивились,
И съ его высокимъ мнѣньемъ
Всѣ покорно согласились.

Девять рыцарей поэтовъ
Офтердингена признали
Славнымъ братомъ по искусству
И главой пѣвцовъ назвали.

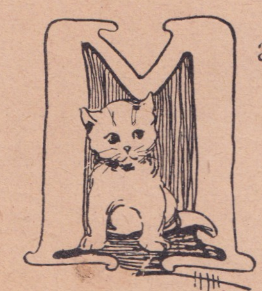
И изъ Вартбурга съ нимъ вмѣстѣ
По Германіи ходили,
Услаждая пѣснопѣньемъ
Всѣхъ, кто пѣніе любили.





Мурка и Петька.

(Разсказъ).

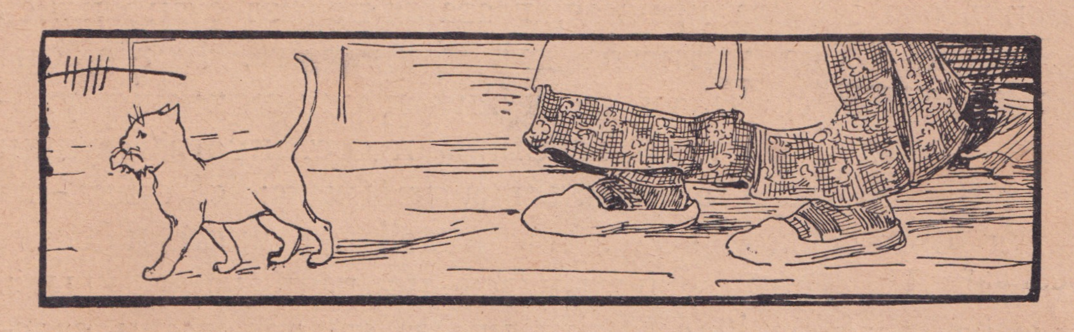


Мать Мурки жила въ кухнѣ, и жила очень хорошо. Старуха Васильевна, кухарка, кормила ее усердно, и часто слышно было, какъ она вечеромъ ворчала: «Чего не жрешь! Вѣдь это курочка, отъ барыни осталась! Ѣшь, Пушка!»

Но Пушка отворачивалась и отъ курочки, потому что за день такъ напитывалась, что уже на ѣду и смотрѣть не могла. Она могла только вспрыгнуть на кухаркину кровать, растянуться на боку, вытянуть всѣ четыре лапы, откинуть хвостъ, зажмурить глаза и ждать, пока на ту же кровать не ляжетъ сама Васильевна, чтобы сладко закурлыкать подъ поглаживанiе ея руки.

При такомъ благоденствiи Пушки родился у нея Мурка. Черезъ двѣ недѣли у него открылись глаза, а еще черезъ мѣсяцъ онъ бѣгалъ и прыгалъ и не могъ не хватать все, что двигалось или могло двигаться подъ его лапкой: онъ игралъ съ хвостомъ матери, съ своимъ собственнымъ, съ клубкомъ нитокъ, съ бахромой кухаркинаго платка, со щепками и со всякой всячиной. Пушка его очень любила. Возвращаясь откуда-нибудь въ кухню, она тотчасъ начинала курлыкать, подрагивая хвостомъ и ища своего сынка. Но онъ не сразу подбѣ-

галъ къ ней, а начиналъ съ шалостей: присядетъ на всѣ четыре лапки, вытянетъ хвостикъ въ струнку, насторожитъ ушки, затопчется въ этой позѣ на одномъ мѣстѣ, потомъ вдругъ вскочитъ, фыркнетъ, изогнется дугой и, бокомъ прыгая на прямыхъ ножкахъ, станетъ передъ матерью. Она оближетъ его шершавымъ языкомъ, а онъ начнетъ ударять ее по щекамъ лапкой, получаетъ въ отвѣтъ то же самое, и пойдетъ долгая игра.



Нѣжность Васильевны къ Пушкѣ перешла и на ея сына, который за особо прiятное мурлыканье получилъ имя Мурки и пользовался всѣми возможными для него благами кошачьей жизни.

А когда однажды онъ принесъ въ кухню мышонка, пойманнаго въ чуланѣ, и, героемъ глядя на Васильевну, ушелъ съ нимъ подъ кровать, подвигъ Мурки привелъ въ восторгъ старуху: «Какой махонькiй, а ужъ мышей ловитъ! Экiй умница!» говорила Васильевна, въ убѣжденiи, что кошки ловятъ мышей для ея пользы.

Неожиданно Мурка осиротѣлъ. Пушка разболѣлась, и Васильевна положила ее въ корзину. Въ недоумѣнiи смотрѣлъ Мурка на мать. Онъ попробовалъ было заиграть съ нею, но она издала такой жалобный стонъ,

который заставилъ его оставить ее въ покоѣ. Онъ сталъ играть со всякою мелочью въ кухнѣ, потомъ покурлыкалъ, вызывая мать, и, не получивъ отвѣта, улегся на кроватъ. Скоро онъ увидалъ, какъ Васильевна привела дворника.

Дворникъ взялъ мертвую Пушку за заднія ноги и унесъ изъ кухни. Ничего не понялъ Мурка. Онъ перемѣнилъ позу, свернулся клубочкомъ и заснулъ. А Васильевна ходила мрачная, глаза ея не разъ становились мокрыми, и она вытирала ихъ фартукомъ. Когда она отготовилась, собралась въ кухнѣ цѣлая компанія утѣшать старуху. Пили чай, вспоминали достоинства Пушки и ея приключенія, а Васильевна вздыхала: «Кошка-то какая была! Сколько лѣтъ жила! Со мной и спала всегда!» И фартукъ подымался не разъ къ мокрымъ глазамъ. Выспавшійся Мурка игралъ его тесемками, свисшими со скамейки и колебавшимися при всякомъ движеніи Васильевны.

Нѣсколько дней потомъ онъ вспоминалъ Пушку, иногда ища ее и вызывая курлыканьемъ, но скоро забылъ, продолжая играть и охотиться въ чуланѣ за мышатами. Когда по вечерамъ Васильевна брала его на руки и, лаская, причитывала: «Сиротиночка ты, мой бѣдненькій! Не стало у тебя матери!» — онъ сладко закрывалъ глазки и, вытягивая коготки, теребилъ ими старухино платье

Какъ-то разъ старой барынѣ, хозяйкѣ дома и Васильевны, показалось, что она въ столовой увидала мышь. Страшно перепугавшись, она велѣла горничной Пашѣ отыскать непрошенную гостью. Хотя ничего не на-

шли, но барыня потребовала, чтобы ей достали кошку. Паша сообщила о Муркѣ и его подвигахъ въ чуланѣ, и было рѣшено водворить Мурку въ барскихъ апартаментахъ.

Переселеніе стоило ему нѣкоторой борьбы. Онъ не понималъ прелести бронзы, позолоты, бархата, изящной мебели, столовъ съ инкрустаціей и замѣчательнаго дивана, гдѣ обыкновенно сидѣла барыня, которой онъ сразу понравился миловидною наружностью и граціозными манерами. Но мало-по-малу онъ привыкъ къ новой жизни, гдѣ его кормили только сливками и отборными кусочками мяса, вычесывали шерсть и давали для игры маленькіе бархатные мячики. Барыня ласкала его гораздо чаще, чѣмъ Васильевна, потому что у нея не было занятій, кромѣ трехъ: вязать одѣяло, раскладывать пасьянсъ и гладить Мурку.

Мурка дошелъ до того, что почти пересталъ заглядывать въ чуланъ, чему барыня была очень рада, потому что разъ онъ принесъ ей свой трофей изъ чулана и страшно напугалъ, такъ что Паша бросилась выгонять его изъ комнаты. Этотъ ужасный случай былъ скоро забытъ доброй барыней, и она все болѣе холила своего любимца, отбирая лучшіе кусочки, надѣвая на его шею шелковыя ленты, на которыхъ вышивала его имя, и приказавъ положить для него пуховую подушку на диванѣ, рядомъ съ ея собственнымъ мѣстомъ. Неблагодарный Мурка совсѣмъ пересталъ ходить въ кухню, но не могъ отказать себѣ въ удовольствіи погулять по двору. Была поздняя осень. Осторожно обходя лужи, шелъ онъ по двору и завернулъ во флигель.

Флигель былъ полуразвалившееся зданіе, состоявшее изъ деревяннаго верха, который весь занимала портниха, и каменнаго подвала, гдѣ какая-то колачница отдавала каморки, сырыя, полутемныя, грязныя, пропитанныя запахомъ гнили, но биткомъ набитыя. Въ одной изъ нихъ были двѣ жилицы: старуха чулочница, ворчливая и скупая Якимовна, и молодая прачка, вдова съ шестилѣтнимъ сыномъ Петькой. Петька отца не помнилъ, но помнилъ, что его мать всегда кашляла и когда-то ходила въ шерстяныхъ платьяхъ, потомъ въ крѣпкихъ ситцевыхъ, а теперь мать и сынъ одѣвались въ заплатки и лохмотья. Когда-то его мать звали Еленой Петровной, а его Петенькой, слышалъ онъ, что у нихъ есть фамилія Ребровы, а теперь его мать всѣ зовутъ «прачка Алена», а его—Петькой. Мать его часто разсказывала, что она чиновница, что вышла замужъ за его отца на родинѣ, откуда его перевели сюда на службу, и здѣсь онъ черезъ годъ умеръ, оставивъ ее ни съ чѣмъ, такъ что ей пришлось стирать, чтобы прокормиться съ сыномъ. Обыкновенно она уходила на работу изъ каморки съ ранняго утра и возвращалась поздно вечеромъ, жалуясь или на то, что въ прачечной было жарко, какъ въ пеклѣ, или на то, что зимой, на рѣчной проруби, она вся закоченѣла, а вѣтеръ рѣзалъ ее, какъ ножомъ, и чѣмъ больше она работала, тѣмъ сильнѣе кашляла.

А Петька въ отсутствіе матери оставался подъ надзоромъ разныхъ жильцовъ подвала, тоже обыкновенно облеченныхъ въ лохмотья. Эти люди «наблюденіе» за ребенкомъ понимали, главнымъ образомъ, въ видѣ

угощенія его всякими шлепками, тумаками, колотушками, затрещинами и еще многими, разнообразными, столь же пріятными дѣйствіями, къ которымъ прибѣгали, впрочемъ, не потому, что были дурными людьми, а потому, что эти дѣйствія были единственными извѣстными имъ воспитательными пріемами. Только Алена,—не по какимъ-либо соображеніямъ, а просто по особому складу характера и по внутреннему материнскому чувству,—почти не прибѣгала къ этимъ пріемамъ, почему подвальники неодобрительно говорили, что она «балуетъ» сынишку.

Всѣ потребности мальчика постоянно встрѣчали препятствія со стороны его многочисленныхъ воспитателей. Возьметъ онъ у какой-нибудь старухи веретено, совершенно ей ненужное и брошенное, и проситъ позволенія повертѣть его на лавкѣ, старуха ворчитъ: «У, баловень! Оставь! Мѣшаетъ оно тебѣ?» Зайдетъ въ каморку къ портному и станетъ играть валяющимся лоскуткомъ, портной кричитъ: «Чего трогаешь. Не твое!» А слѣдомъ—тумакъ. Хочетъ онъ лишній разъ побѣгать по двору,—опять окрикъ: «Куда тебя несетъ, чертенокъ этакій!» А зимой въ этомъ случаѣ еще непремѣнно хорошая колотушка съ замѣчаніемъ: «Вотъ кто у насъ фатеру-то студитъ!» Даже мать, когда бывала занята, а мальчикъ пристанетъ сдѣлать ему изъ тряпокъ игрушку, сердито его отгоняла: «Поди ты! Видишь, дѣло дѣлаю. Не до тебя мнѣ!» Правда, не всегда Петька встрѣчалъ такія помѣхи всѣмъ своимъ желаніямъ, но эти исключенія были чрезвычайно рѣдки, потому что подвальники такъ постоянно были заняты

своими мелкими заботами о насущномъ пропитаніи, что имъ было не до «баловства» мальчика, котораго они по-своему, пожалуй, любили и «жалѣли». И старался Петька найти какой-нибудь такой уголъ, гдѣ бы никому онъ не могъ помѣшать, и игралъ тамъ съ какою-нибудь тряпкой или щепкой, относительно которой былъ убѣжденъ, что она рѣшительно никому не нужна. А дѣтей другихъ, кромѣ него, ни въ подвалѣ ни на всемъ дворѣ, къ сожалѣнію, ни одного не было.

Въ послѣднее время Алена чаще и чаще оставалась дома и все лежала, потому что болѣзнь ея усиливалась. Вмѣстѣ съ тѣмъ и ѣсть было почти нечего: по нѣскольку дней подъ рядъ, кромѣ чернаго хлѣба, Петька ничего не ѣлъ.

Былъ именно такой день. Петька натянулъ на себя лохмотья, носившія названіе пальтеца, и пошелъ изъ подвала по каменной лѣстницѣ, сверху которой глядѣлъ на него Мурка. «Кисъ, кисъ!» поманилъ его Петька; но котенокъ сидѣлъ неподвижно и внимательно смотрѣлъ на качавшіеся лохмотья пальтеца. Онъ присѣлъ и насторожился, а когда мальчикъ поравнялся съ нимъ, Мурка вскочилъ и началъ теребить лапкой его лохмотья. Петька усѣлся на верхней ступенькѣ и занялся игрой съ забавнымъ котенкомъ. Скоро они подружились, и мальчикъ понесъ показать своего друга матери.

— Охъ, Петя! И чего ты его взялъ? Хватится барыня, вотъ какъ намъ достанется!

И Алена начала разсказывать, какъ барыня любитъ котенка, какъ кормитъ его сливками, какъ всякой ѣды

Мурка съѣстъ въ день на цѣлый рубль. Петька слушалъ этотъ разсказъ, не понимая, что такое сливки, которыхъ онъ не видывалъ, и представляя количество съѣдаемаго на рубль въ видѣ огромной горы булокъ и баранокъ.



А Мурка игралъ лохмотьями и, найдя одинъ лоскутъ на полу, началъ такъ уморительно съ нимъ прыгать, что Алена разсмѣялась и научила Петьку привязать лоскутокъ ниткой, за которую и дергать, чтобы Мурка ловилъ его. Мать и сынъ потѣшались надъ забавнымъ котенкомъ.

Только Якимовна, глядя мрачно черезъ очки, выразила опасенiе, что котенокъ утащитъ ея клубокъ, а затѣмъ разразилась воркотней: «Ишь, окаянный, погибели на тебя нѣтъ! Лопаетъ на цѣлый цѣлковый въ день! Дармоѣдъ проклятый! А тутъ вотъ чулки день денской вяжешь, инда спина заболитъ и руки одервянѣютъ, а трехъ гривенниковъ не выработаешь!»

Призадумалась и Алена. Обѣ женщины стали почти съ ненавистью глядѣть на «дармоѣда», который, ничего

не подозрѣвая, прыгалъ и кружился за лоскуткомъ, подергиваемымъ Петькой. Они были счастливы и довольны другъ другомъ. А Алена дѣлалась все мрачнѣе и мрачнѣе, вспоминая, какъ за работу въ прачечной у барыни ей платили за день всего полтинникъ, а въ послѣднiй разъ, когда она совсѣмъ ослабѣла и не могла стирать послѣ обѣда, ей выдали только четвертакъ.

— Петька! Тебѣ говорю: выкинь котенка! — вдругъ со злобой крикнула Алена. — Ишь, баловство затѣялъ! Два дармоѣда сошлись.

Испугавшись, Петька взялъ Мурку и вынесъ на дворъ. Котенокъ повертѣлъ хвостикомъ и побѣжалъ домой, гдѣ полокалъ сливокъ и уснулъ на своей пуховой подушкѣ на диванѣ, рядомъ съ барыней, которая гладила его своей мягкой рукой.

Вернувшись въ комнату, Петька вдоволь наслушался разговоровъ о томъ, какъ богато живетъ барыня, какiя она ѣстъ кушанья, какая богачка и ея кухарка Васильевна, которая живетъ въ барскомъ домѣ больше двадцати лѣтъ и получаетъ каждый годъ подарки по два шерстяныхъ платья. Петька слушалъ съ интересомъ, хотя, безъ сомнѣнiя, слыхалъ все это и раньше неоднократно. Потомъ Алена повѣствовала Якимовнѣ о сорочкахъ изъ голландскаго полотна, о салфеткахъ, наволочкахъ и о прочемъ бѣльѣ барыни, съ которымъ она была коротко знакома. По этому поводу перешла она къ воспоминанiямъ и описала, какое у ней самой было приданое, которое ей дѣлалъ мужъ, потому что она была безродная сирота и жила у прачки. Припомнила она, что и у мужа ея всей родни былъ только одинъ



Барыня гладила его своей мягкой рукой.

братъ, безпутная голова, который все зналъ, все умѣлъ, а ни къ чему не пристроился; иной разъ ходилъ въ опоркахъ и въ одной рубахѣ, подпоясавшись веревочкой, а иной разъ одѣвался чисто и деньги имѣлъ: сочинителемъ какимъ-то былъ; ходилъ все по разнымъ мѣстамъ и городамъ, да такъ и пропалъ безъ вѣсти: еще она замужъ не выходила, а онъ какъ въ воду канулъ. Эта повѣсть не интересовала Петьку, и онъ, думая о котенкѣ, вертѣлъ лоскутокъ, которымъ недавно игралъ съ Муркой. Потомъ Алена разразилась сильнѣйшимъ кашлемъ съ кровью, чѣмъ въ послѣднее время обыкновенно кончались ея длинныя рѣчи.

Наступилъ вечеръ. Въ подвалѣ стало еще темнѣе и сырѣе. Мать дала Петькѣ ломтикъ чернаго хлѣба; мальчикъ съѣлъ его и легъ рядомъ съ нею на жесткой дерюжкѣ, прикрывшись своими лохмотьями и положивъ голову на плечо матери. Алена перекрестила его, поцѣловала, глядѣла, какъ онъ заснетъ, и все думала и думала, и слезы бѣжали каплями по ея худому лицу.

Мурка и Петька были единственными весьма юными обитателями дома и флигеля. Немудрено поэтому, что ихъ тянуло другъ къ другу. Мурка не могъ забыть лоскутка на ниткѣ, который такъ соблазнительно вертѣлъ передъ нимъ Петька, а этотъ не зналъ болѣе пріятнаго компаньона, чѣмъ Мурка. Котенокъ являлся ежедневно. Конечно, игры происходили на дворѣ, потому что водить въ подвалъ друга Петька не рѣшался, опасаясь матери и Якимовны.

Много дней прошло, а Алена не вставала съ постели. Уже приходилъ докторъ, былъ священникъ, постоянно

заходили жильцы изъ другихъ каморокъ и поили ее чаемъ и малиной, но ей было хуже и хуже. Петька ждалъ чего-то страшнаго и не отходилъ отъ матери, позабывъ и дворъ и даже Мурку.

Ему хотѣлось чѣмъ-нибудь утѣшить мать. «Мамка! Какъ я выросту, буду докторомъ: я тебя вылѣчу!» говорилъ онъ, ласкаясь къ матери и цѣлуя ее. Алена печально глядѣла на сына и тяжело дышала. «Милый ты мой! Что будетъ съ тобой безъ меня-то?» шептала она. И во всѣхъ углахъ подвала шептали о томъ, на что будутъ хоронить Алену, и куда потомъ дѣвать Петьку. Но вотъ колачница увела мальчика въ свою каморку и не велѣла выходить. Когда же его вернули, онъ увидалъ мать блѣдную, съ закрытыми глазами, съ руками на груди, вымытую, причесанную, неподвижную, лежащую подъ простыней. «Иди, иди! небось, дурачокъ! Мамку Богъ взялъ къ Себѣ», говорили ему. Петька обнялъ мать. Ему было страшно и жалко. Онъ заплакалъ и сквозь слезы выкрикивалъ: «Мамка! мама! мамка! мама!»

— Ишь, какъ жалѣетъ!— говорили въ подвалѣ.— Любилъ мать-то! Да и то сказать: круглый сирота теперь. Хоть малъ, а чувствуетъ. И она-то какъ его любила!

Алену похоронили на общественный счетъ всѣхъ жильцовъ подвала. Относительно Петьки рѣшили, пока какая добрая душа не пристроитъ его въ пріютъ, кормить его всѣмъ подвальникамъ по очереди. И началась для мальчика скитальческая жизнь изъ каморки въ каморку, отъ бѣдняка къ бѣдняку. Были тутъ и добрые

люди, были и злые, и пьяницы, и непьющіе, но всѣ нищіе или полунищіе. И Петька жилъ впроголодь, ходилъ въ грязи и въ лохмотьяхъ, но въ общемъ житье его не стало хуже, чѣмъ было при матери. Единственнымъ удовольствіемъ его было поиграть и побесѣдовать съ Муркой, послѣ суматохи похоронъ возобновившимъ свою привычку посѣщать пріятеля, котораго онъ, видимо, полюбилъ, насколько умѣютъ любить кошки. Нѣкоторые жильцы позволяли мальчику играть съ котенкомъ въ своихъ каморкахъ, что очень облегчило друзей въ теченіе долгой зимы. Петька чуть не каждый день разсказывалъ Муркѣ о своей мамкѣ, какая она была хорошая, и какъ онъ ее любитъ, даже больше, чѣмъ Мурку; но чтобы не обидѣть друга, угощалъ его кусочками чернаго хлѣба. Мурка не обижался, но отъ такого угощенія, слишкомъ для него непривычнаго, отворачивался.

Наступила весна. У воротъ позвонилъ какой-то господинъ въ широкополой шляпѣ, въ сѣрой крылаткѣ и спросилъ дворника, не здѣсь ли живутъ Ребровы. Дворникъ объяснилъ все происшедшее, и господинъ пожелалъ видѣть Петьку, который и подошелъ къ нему съ котенкомъ въ рукахъ.

— Э, да какіе у тебя умные черные глазенки! Племянникъ у меня, кажется, ничего себѣ,—сказалъ господинъ, ласково разглядывая мальчика. — А вѣдь я тебѣ дядя. Понимаешь?

Петька съ любопытствомъ смотрѣлъ на чистаго господина, настоящаго барина, и недоумѣвалъ, что онъ

говоритъ о глазенкахъ и племянникѣ. Если бы онъ былъ поопытнѣе, то замѣтилъ бы, что въ этомъ баринѣ было много остатковъ чего-то не «барскаго»: изборожденное морщинами лицо, грубыя руки, небрежные неуклюжіе жесты, ухарски откинутые длинные волосы, рѣзкая, будто задорная интонація голоса и рѣзкій, а вмѣстѣ грустный взглядъ его блестящихъ глазъ свидѣтельствовали о бурно проведенной, не барской жизни.

— Что жъ мать-то твоя умерла? — спросилъ господинъ.

Тутъ Петька залился слезами и выпустилъ Мурку, который спрыгнулъ съ его рукъ, повертѣлъ хвостикомъ и убѣжалъ домой.

— Ну, дурачокъ! Что ты? Вѣдь я ничего, — сталъ уговаривать господинъ.

— Мамку жалко!—всхлипывалъ мальчикъ.

— Ну, ты малый, должно-быть,—первый сортъ, съ настоящимъ сердцемъ: отъ земли не видно, а чувствовать умѣешь. — И господинъ сталъ ласково гладить мальчика по головѣ. Черезъ полчаса господинъ повезъ Петьку съ собой на вокзалъ желѣзной дороги.

— А котенокъ-то твой, что ли, былъ? Хочешь мы его съ собой захватимъ? — спросилъ онъ, усаживаясь съ мальчикомъ на пролетку.

— Нѣтъ, это Мурка, онъ у барыни живетъ. Она не дастъ, — отвѣчалъ Петька и поглядѣлъ въ калитку, не выбѣжитъ ли Мурка провожать его.

Вечеромъ въ подвалѣ всѣ пировали, и не было конца разговорамъ. Повторяли на всѣ лады, что этотъ господинъ—братъ покойнаго Реброва, считавшiйся пропавшимъ безъ вѣсти, что онъ сочинитель и за свои сочиненiя получаетъ большiя деньги, чему одни очень удивлялись, а другiе не вѣрили и подозрѣвали скорѣе нечистый путь наживы, потому что, по ихъ мнѣнiю, за такiе пустяки, какъ сочиненiя, большихъ денегъ никто не дастъ. Но онъ человѣкъ, несомнѣнно, страшно богатый, потому что отвалилъ подвальникамъ за похороны Алены и за содержанiе Петьки—легко сказать—пятьдесятъ рублей! «Самъ, говоритъ, въ подвалѣ живалъ, доподлинно, говоритъ, знаю эту жизнь, и теперь бы, говоритъ, у васъ погостилъ, да ужъ очень некогда, спѣшить надо въ дорогу: работа, вишь, къ сроку есть. И хорошiй человѣкъ! Родню сталъ разыскивать. Изъ своего города нарочно прiѣхалъ, какъ узналъ, что братъ съ женой сюда переѣхали. Петьку теперь въ люди выведетъ! Онъ, говоритъ, мнѣ замѣсто сына будетъ. Да! Былъ Петька, а смотри, пройдутъ года,—его не узнаешь. И звать-то его надо будетъ по имени и отчеству. А какъ его по отчеству?» Этого въ подвалѣ никто не зналъ.

Заснули подвальники поздно съ мечтами, что бываетъ же такое счастье людямъ, и многiе видѣли во снѣ, что они разбогатѣли и даютъ по пятидесяти рублей въ каждое подвальное жилье.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Флигель настолько оплошалъ, что полицiя распорядилась выселить изъ него жильцовъ съ верху и съ низу, дозволивъ оставить только

одну каморку, гдѣ пріютилась Якимовна въ одиночествѣ. Васильевна умерла. Барыня почти не вставала съ постели, гдѣ въ ногахъ ея было мѣсто Мурки. Онъ разжирѣлъ, отяжелѣлъ и рѣдко выходилъ изъ спальни, гдѣ около кровати стояли его тарелки попрежнему со сливками и съ мясомъ. Горничная Паша вышла замужъ и уѣхала куда-то далеко. Прислуга была вся новая. Мурка забылъ игры, сталъ лѣнивъ и мраченъ, ласково мурлыкая только для одной барыни. Прислуга не любила стараго «дармоѣда», какъ вообще не имѣла привязанности къ тому, чѣмъ дорожили прежніе, долго жившіе слуги.

Въ одно утро Мурка былъ разбуженъ необычайнымъ движеніемъ: въ спальнѣ барыни, у ногъ которой онъ лежалъ, собралась вся прислуга, до дворника включительно. Всѣ суетились, говорили тихо, охали и трогали руками барыню, которая не шевелилась. «Умерла, значитъ, царство ей небесное!—сказалъ дворникъ.—Надоть таперича дать знать въ полицію да телеграмму молодому барину въ Питеръ послать». И дворникъ вышелъ. «Брысь ты, проклятый!» прошипѣла горничная и сильно ударила Мурку. Такого удара онъ не получалъ никогда въ жизни и, испуганный, соскочилъ съ кровати. «Брысь!» опять зашипѣли на него, замахиваясь. Во всѣхъ комнатахъ встрѣчало его это ненавистное «брысь!», пока онъ не убѣжалъ въ кухню, но и тамъ среди громкаго говора опять услыхалъ онъ противное шипѣніе. Проплутавъ по двору и по лѣстницамъ до вечера, онъ вернулся къ дѣвичьей и, сѣвъ передъ дверью, жалобно замяукалъ, прося впустить его и покормить. Горничная

отворила дверь и ударила его половой щеткой: «Будешь лѣзть, проклятый! И безъ тебя голова кругомъ идетъ!» проговорила она сердито ему вслѣдъ. Ошеломленный, онъ убѣжалъ на дворъ и нашелъ кусочекъ чернаго хлѣба, который сначала показался ему не съѣдобнымъ, но голодъ заставилъ приняться за новую, непробованную пищу. Мурка съѣлъ кусочекъ и полокалъ воды изъ лужицы.

На похороны барыни пріѣхалъ ея наслѣдникъ изъ Петербурга, потолковалъ съ управляющимъ и уѣхалъ обратно. Черезъ нѣсколько дней прислуга разошлась, лошадей увели, всѣ вещи увезли, окна въ домѣ закрыли ставнями, двери заперли и забили.

На Мурку никто не обращалъ вниманія: его забыли; да онъ и самъ убѣгалъ отъ суетившихся и гнавшихъ его людей и жилъ на чердакѣ или въ чуланѣ съ самой смерти барыни, гдѣ возобновилъ забытую уже охоту на мышей, но не для удовольствія, какъ прежде, а для насущнаго пропитанія, хотя охотиться отъ старости ему уже было не легко.

Онъ не могъ жаловаться на недостатокъ мышей и крысъ, которыя разгулялись на просторѣ въ обезлюдѣвшемъ домѣ, но силы его были уже не тѣ, что въ молодости: отъ дряхлости онъ не могъ сладить съ крысами и часто былъ не въ состояніи догнать быстроногаго мышонка. Черезъ разбитое окно дѣвичьей онъ пробирался въ комнаты, высокія, особенно огромныя отъ пустоты, съ потрескавшимися обоями, съ закрытыми ставнями, съ кучами оставленнаго сора, съ пылью и па-

утиной. Тамъ онъ бродилъ одинокій, съ лентой на шеѣ, крѣпко зашитой покойной барыней.

Голодный и страшно тощій, съ ребрами наружи, съ облѣзлой шерстью, онъ былъ похожъ на привидѣніе, когда по ночамъ съ двумя зелеными огоньками въ глазахъ блуждалъ въ мракѣ по пустымъ комнатамъ и оглашалъ ихъ жалобнымъ и дикимъ, раздирающимъ душу, мяуканьемъ, которымъ онъ призывалъ своихъ прежнихъ друзей и покровителей или взывалъ къ чьему-либо состраданію, и которое звонко разносилось по всему дому. Ночные звуки пустого дома раздражали сосѣднихъ собакъ, которыя поднимали лай и вой, и ночной сторожъ спѣшилъ уйти подальше, крестясь и творя молитву, въ убѣжденіи, что въ заколоченномъ домѣ собралася нечистая сила. Такъ прожилъ Мурка два года.

Передъ заколоченнымъ домомъ остановился извозчичій экипажъ, изъ котораго вышелъ господинъ, съ сѣдиною въ длинныхъ волосахъ, въ шляпѣ съ широкими полями, въ крылаткѣ, и красивый юноша, лѣтъ семнадцати, въ свѣжей студенческой формѣ.

— Ты говоришь, Петя, этотъ домъ? Я забылъ.

— Должно-быть, дядя, этотъ, хотя я тоже плохо помню,—отвѣчалъ юноша, замѣтно волнуясь.

Вышедшій дворникъ подтвердилъ, что дѣйствительно это тотъ самый домъ, который они ищутъ.

— А вы что? Купить, что ли, его хотите?—спросилъ онъ.

— Развѣ онъ продается?

— Да вотъ управляющій письмо прислалъ: баринъ, говоритъ, велѣлъ продать.

— А за сколько?

Дворникъ назвалъ сумму.

— А вѣдь это идея, Петя!—сказалъ господинъ.— Въ этомъ городѣ воздухъ чудесный и вокругъ мѣста роскошныя. Надо на старость себѣ уголъ готовить. Послушай, другъ,—сказалъ онъ дворнику:—ты отопри-ка домище да покажи намъ. А покамѣстъ вотъ что: тутъ у васъ флигель, гдѣ въ подвалѣ были жильцы. Такъ есть ли кто-нибудь изъ прежнихъ?

Дворникъ объявилъ, что есть одна старушонка, и провелъ пріѣзжихъ къ подвалу, а самъ пошелъ отпирать домъ.

— Какое, братъ, запустѣніе-то тутъ грандіозное, прямо картина!—сказалъ господинъ, оглядѣвъ заросшій травою дворъ, заколоченный домъ и развалившійся флигель.—Эту картину надо будетъ куда-нибудь сунуть. Непремѣнно суну. Нарочно повѣсть во вкусѣ Тургенева напишу: ради такого роскошнаго запустѣнія тряхну чужой стариной. А теперь у этой старушенціи разспросимъ, какъ ты желаешь, о могилѣ твоей матери да пойдемъ осматривать домъ. Воображаю, какія тамъ картины!

Они сошли по ступенькамъ подвала. Сердце юноши сильно билось.

— Дядя! А вѣдь это дверь въ нашу каморку. Я ее узнаю.

— Здѣсь-то ты и игралъ съ твоимъ пріятелемъ, какъ его звали-то?

— Да, съ Муркой. Давно это было, но я его необыкновенно ясно себѣ представляю.

Они вошли въ каморку и спросили старуху, не знаетъ ли она, гдѣ погребена Реброва. Старуха заохала и зашамкала: «Какъ же! Какъ же! Вѣдь мы и хоронили-то ее, батюшка! Да никакъ это вы, ваше сіятельство! Ахъ ты, Господи, Царица небесная! Племянничка-то еще тогда взяли, благодѣтель нашъ! А это-то кто же такой? Никакъ онъ—нашъ Петичка?» И она начала восхвалять бывалыя и небывалыя достоинства Пети и его покойной матери и настоятельно приставала цѣловать ручки бывшаго подвальнаго питомца. Наконецъ дядя прервалъ потокъ этихъ изліяній и, вручивъ денегъ, приказалъ старухѣ отправляться на кладбище и дожидаться его.

Вышедши изъ подвала, Петя долго не могъ произнести ни слова. Въ его душѣ воскресъ образъ больной полунищей матери, нахлынули какія-то неясныя воспоминанія, тяжелыя и мрачныя, и на черномъ ихъ фонѣ вырисовывалась привлекательная, граціозная фигурка сѣренькаго котика.

Дворникъ объявилъ, что онъ отбилъ доски, открылъ нѣсколько ставней и что можно войти въ домъ.

— Прелесть домъ! Старина матушка!—говорилъ дядя, идя за дворникомъ и подробно все осматривая.

А Петя пошелъ бродить одинъ, безцѣльно заглядывая въ разныя мѣста. Онъ отворилъ дверь въ чуланъ и вздрогнулъ: въ полутемнотѣ на верхней полкѣ ярко горѣли два зеленыхъ глаза. «Неужели? Нѣтъ, не можетъ быть! Прошло слишкомъ много времени», мелькнуло

у него въ головѣ. Но привыкнувъ къ полутьмѣ, онъ ясно разсмотрѣлъ фигуру кота и, почти не давая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, началъ звать: «Мурка! Мурка!» Въ отвѣтъ послышалось слабое, жалобное, но дикое мяуканье. «Мурочка! Мурочка!—повторялъ Петя, приближаясь и протягивая руки.—Не бойся, это я». Котъ продолжалъ мяукать и началъ пятиться, а когда Петя дотронулся до него, то оскалился и зафыркалъ. Тогда Петя рѣшительно схватилъ его и вышелъ на свѣтъ, крѣпко удерживая, потому что котъ старался вырваться. «Конечно, это Мурка... Дядя, дядя!—закричалъ онъ.—Поди сюда, посмотри: я Мурку нашелъ. Вотъ и лента у него на шеѣ. Видишь: вышито «Мурка!» Да и шерсть его. Я ее отлично помню... Но какой же онъ жалкій!»...

Вечеромъ въ вагонѣ I класса пассажиры съ удивленіемъ наблюдали, какъ красивый молодой человѣкъ заботливо ухаживаетъ за старымъ, облѣзлымъ, безобразнымъ, страшно худымъ котомъ, который лежалъ у него на колѣняхъ.

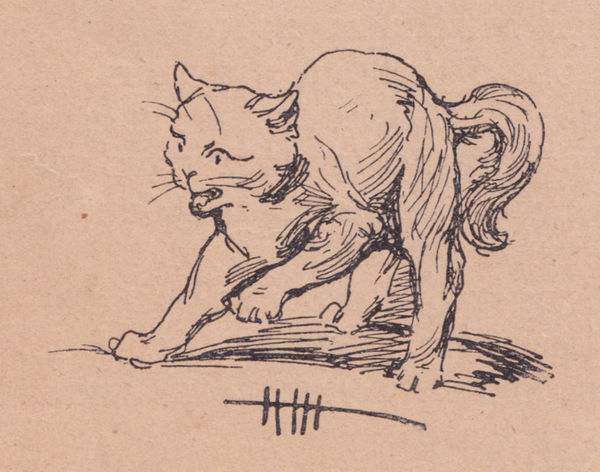
— Дядя! а сколько лѣтъ могутъ прожить кошки!—спросилъ онъ.

— Въ точности не могу тебѣ сказать, но въ одномъ домѣ я видѣлъ кошку, которой было пятнадцать лѣтъ.

— Муркѣ теперь больше десяти. А знаешь? Мнѣ коридорный говорилъ, что, пока мы были на кладбищѣ, Мурка совсѣмъ успокоился, еще поѣлъ, выспался и совсѣмъ пересталъ дичиться: коридорный бралъ его на руки и гладилъ.

— А какой, братъ Петя, ты еще ребенокъ! Вѣдь уже скоро въ университетъ поступишь!—сказалъ дядя.— Впрочемъ, очень милый ребенокъ, и я тебѣ завидую,— прибавилъ онъ и задумался.

Курьерскій поѣздъ мчался. Моросилъ дождикъ, и было прохладно. Въ вагонѣ никто не разговаривалъ. Писатель Ребровъ вынулъ свою тетрадку и сталъ что-то писать, начавъ со словъ: «Доброе сердце...» и иногда взглядывалъ на племянника. Петя смотрѣлъ на лежавшаго на его колѣняхъ Мурку и нѣжно его гладилъ. Мурка зажмурилъ глаза и,—чего давно съ нимъ не бывало,— сладко замурлыкалъ. Одинъ изъ пассажировъ, худой и закутанный, сипло закашлялся и долго не могъ унять своего кашля. И Петя вспомнилъ каморку и милое больное лицо и такой же кашель, который онъ слышалъ тогда, когда Мурка былъ еще маленькимъ котикомъ, а самъ онъ—Петькой.



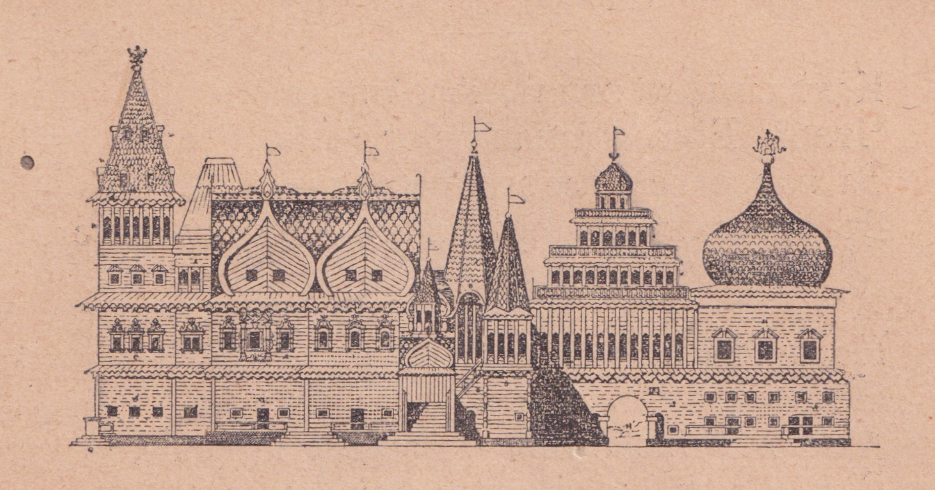


На высотахъ.

Порой ночною на горахъ,
На первозданныхъ высотахъ,
Густой холодной пеленой
Туманъ разстелется сѣдой;
Онъ сдавитъ ихъ, онъ ихъ скуетъ,
Онъ ихъ отъ неба оторветъ.

Но лишь заискрится востокъ,
Лучей алѣющихъ потокъ
Разгонитъ холодъ и туманъ;
Какъ птицъ весеннихъ караванъ,
Тамъ облачко за облачкомъ
Заблещетъ въ небѣ голубомъ,
И солнце золотой уборъ
Наброситъ на вершины горъ,—
На высотахъ и жизнь и свѣтъ,
И небо шлетъ имъ свой привѣтъ.





Именины царевича.

(Сказаніе).

Какъ надъ матушкой Москвой бѣлокаменной,
До восхода краснаго солнышка,
Колокольный звонъ разливается
Сорока сороковъ храмовъ Божіихъ.
То идетъ государь, православный царь,
Изъ соборной церкви, отъ заутрени.
На златой посошокъ опирается,
На поклоны народу отвѣтствуетъ.

А по руку его, по правую,
Словно ясный мѣсяцъ при солнышкѣ,
Младъ царевичъ идетъ при батюшкѣ.
По бокамъ ихъ бояре ближніе,
И несутъ бояре кисы съ деньгами,
Раздаютъ они по копеечкѣ

Калѣкамъ, убогимъ, юродивымъ
Чтобы Бога молили убогіе
За здоровье младого царевича
Въ его свѣтлый праздникъ, въ день ангела.

И идетъ государь царь съ царевичемъ
Не въ палату свою грановитую,
Не въ свои терема златоверхіе,
А проходитъ онъ въ тюрьмы крѣпкія,
Гдѣ сидятъ колодники-острожники,
Государевы его супротивники,
Не казнить ихъ идетъ казнью лютою,
А съ великою милостью царскою.

Увидали приставы острожные
Государя царя православнаго,
Отмыкали замки желѣзные,
Отымали засовы тяжелые,
Отпирали двери дубовыя.

Обходилъ государь царь острожниковъ,
Показалъ имъ очи пресвѣтлыя,
Одѣлялъ ихъ казной своей царскою,
Чтобы Бога молили колодники
За здоровье младого царевича.

Поглядѣлъ царевичъ на острожниковъ,
Онъ увидѣлъ ихъ житье горькое,
Что одежа на нихъ виситъ клочьями,
Что наружу ихъ ребра повылѣзли,
Руки, ноги ихъ въ цѣпи закованы.

Онъ задумался думой тяжкою,
Заслезилось лицо его бѣлое,
Заскорбѣло сердце ретивое.
Отставалъ онъ отъ царя-батюшки
И пошелъ одинъ-одинешенекъ.

Проходилъ онъ въ темницу къ колоднику,
Къ сибирскому страшному разбойнику,
Доставалъ онъ деньги пригоршнею,
Протянулъ свою ручку бѣлую,
Подавалъ серебро колоднику.

А разбойничье сердце неумчиво—
Воспылалъ разбойникъ злобой лютою,
Онъ замыслилъ дѣло злодѣйское:
Поднималъ свои цѣпи желѣзныя,
И ручныя цѣпи и поножныя,
Онъ завилъ ихъ жгутами тяжелыми,
Замахнулся цѣпями на царевича,
Надъ головушкой его кудрявенькой
Захотѣлъ пролить кровь неповинную.

Тутъ случилося диво дивное:
Вдругъ назадъ разбойникъ шарахнулся,
Широко раскрылись очи черныя,
Опускались его руки могучія,
Загремѣли цѣпи желѣзныя,
На помостъ онъ упалъ, на каменный,
Онъ въ цѣпяхъ укрылъ лицо страшное,
Завопилъ разбойникъ громкимъ голосомъ.

И бояре царевича взыскалися,
Прибѣжали на голосъ разбойничій,
Уводили царевича къ батюшкѣ,
А злодѣю надумали казнь лютую,
Да такую казнь безпримѣрную,
Что на свѣтѣ еще и не слыхано.

И царевичъ пошелъ съ царемъ-батюшкой,
Изъ тюрьмы пошелъ, изъ разбойничьей,
Отстоялъ онъ обѣдню позднюю,
Приходилъ въ палату грановитую,
Поздравленья онъ слушалъ боярскія,
Принималъ дары драгоцѣнные.

И спросилъ государь его батюшка,
Чѣмъ его подарить, чѣмъ пожаловать,
Ни въ какой ему просьбѣ отказу нѣтъ.

У царя попросилъ тутъ царевичъ младъ,
Одного попросилъ онъ у батюшки —
Не казнить того злого разбойника,
А простить ему дѣло злодѣйское,
Всѣ простить ему вины прежнія,
Отпустить его на волю вольную.

Государево слово — слово крѣпкое;
Исполнялъ онъ просьбу сыновнюю,
И простилъ того злого разбойника,
Отпускалъ его на волю вольную.



Проходилъ онъ въ темницу къ колоднику.

Самъ пошелъ со своими боярами,
Пировалъ отъ полудня и до ночи
На пресвѣтлой на той радости,
На день ангела младого царевича.

Выходилъ разбойникъ на вольный свѣтъ,
Не взялся за дѣла онъ разбойничьи,
А пошелъ онъ въ лѣса дремучіе
И поставилъ тамъ себѣ келейку,
Покрывалъ онъ тѣло власяницею
И веригами обвѣсилъ желѣзными,
Тяжелыми веригами, пудовыми,
Денно-нощно стоялъ за молитвою,
Проливалъ слезы покаянныя
За свои грѣхи, за великіе.

Какъ пришло ему время часа смертнаго,
Собирались къ нему люди добрые,
И повѣдалъ онъ имъ чудо чудное,
Что въ темницѣ съ нимъ приключилося:

Какъ замыслилъ онъ убить царевича,
И увидѣлъ вдругъ ангела грознаго,
Онъ увидѣлъ его съ мечомъ огненнымъ,
Тѣмъ мечомъ онъ махнулъ на разбойника,
Опалилъ его огнемъ-пламенемъ,
Удержалъ его руки злодѣйскія,
Ужаснулъ его душу окаянную,
Обратилъ ее къ покаянію.

Помиралъ разбойникъ въ своей келейкѣ,
Хоронили его люди добрые
Среди темнаго лѣса дремучаго,
Возлѣ стараго дуба, коренастаго.

Разошлись они по святой Руси
И повѣдали міру крещеному
Про великое чудо чудное
Старымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ на поученіе.





Крымская ночь.

На прибрежье росистое
Смотрятъ звѣзды лучистыя,
Кипарисы спокойные
Дышатъ нѣгою знойною,
Изъ фонтана прохладная
Бьется струйка отрадная,
И Яйлы очертанія
Спятъ, полны обаянія.

Дремлетъ лѣсъ невидимкою
Подъ туманною дымкою,
Напоенъ ароматами;
Замирая надъ скатами,
Тихо дремлютъ усталыя
Облачка запоздалыя,
И луной озаренное
Плещетъ море безсонное...





Въ мастерскихъ.

(Разсказъ).

Мастерская портного Евстигнея Иванова, по прозвищу Безпардоннаго, помѣщалась вблизи толкучаго рынка въ самой грязной и отдаленной отъ центра части большого города, на горѣ, подъ которою шелъ пустырь и текла рѣка. Евстигней былъ вдовъ и пропивалъ все, что зарабатывалъ. Такимъ же былъ и его подмастерье, по прозванію «Лысый дѣдъ», или просто «Лысый», человѣкъ совсѣмъ не старый, но отъ пьянства пріобрѣвшій видъ сморщеннаго старикашки и состоявшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ хозяиномъ. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, въ мастерской были два мальчика.

Мастерская помѣщалась въ полуразвалившейся хибаркѣ, состоявшей изъ одной комнаты съ русскою печкой, въ которой, однако, ничего не варили, питаясь кушаньями изъ сосѣдней харчевни. Изъ этихъ кушаній, всегда недоброкачественныхъ, въ родѣ щей, похожихъ на помои, тухлой требухи и прокислаго «стюдня»,

большая часть съѣдалась старшими, а мальчики получали объѣдки и должны были жить впроголодь. Такая жизнь въ мастерской никого не возмущала, потому что считалась нормальною и почти не отличалась отъ жизни всего околотка, населеннаго мелкими ремесленниками и всякимъ бездомнымъ сбродомъ и носившаго названіе Башихи.

Вперемѣшку съ хибарками Башиха была наполнена всякаго рода харчевнями, кабаками и трактирами, гдѣ днемъ и ночью толпились и рабочіе и безработные, и пришлые люди и постоянные обыватели околотка.

Послѣдніе выработали себѣ особыя правила, особые взгляды и не хотѣли признавать тѣхъ требованій, которыми руководствовались жители остальныхъ частей города. Они даже не высказывали никакой зависти къ обитателямъ тѣхъ частей, жившимъ въ сравнительной чистотѣ и въ сравнительномъ богатствѣ и довольствѣ, а обыкновенно насмѣхались надъ ними и гордились своею грязью и бѣдностью. Впрочемъ, башихинцы мало интересовались тѣмъ, что выходило за предѣлы ихъ околотка, гдѣ чуть не ежедневно бывали новыя занимавшія ихъ происшествія, въ родѣ брани, драки и всякаго безобразія.

Изъ мальчиковъ-учениковъ мастерской Евстигнея Иванова старшій, Ѳедька, уже давно жилъ на Башихѣ, переходя отъ хозяина къ хозяину, и Безпардонный былъ четвертымъ его хозяиномъ. Ѳедька былъ высокій испитой подростокъ лѣтъ шестнадцати, надѣющійся скоро стать подмастерьемъ и потому старающійся подражать старшимъ. Пятилѣтнее пребываніе на Башихѣ среди

всякаго рода несправедливостей и гадостей наложило на него свой тяжелый отпечатокъ. Глаза его смотрѣли нагло, онъ безстыдно лгалъ на каждомъ шагу, научился притворяться невиннымъ, сваливать вину на другого, научился тайкомъ пить водку, воровать и продавать, что плохо лежало въ мастерскихъ. Онъ гордился и хвастался своими пороками и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на тѣхъ, у кого ихъ не замѣчалъ, издѣвался надъ «смирными» мальчиками, особенно, если они были моложе его.

Андрюшка, другой мальчикъ въ мастерской, и былъ именно такимъ смирнымъ. Ему было двѣнадцать лѣтъ. Онъ только что кончилъ школу въ своемъ селѣ, довольно далеко отъ города, и послѣ смерти отца былъ привезенъ сюда своею матерью, Агаѳьей. Кромѣ него, у Агаѳьи было еще «пять ртовъ», дѣтишекъ, малъ-мала-меньше, которыхъ трудно было прокормить, и она, по совѣту одного сосѣда, отвезла Андрюшку въ городъ. Долго ходила она по разнымъ мастерскимъ, гдѣ никто не хотѣлъ брать ея сына за ненадобностью; много, по ея словамъ, «намаялась, ходя по мастерамъ, и въ ногахъ у нихъ навалялась», пока не попала къ Безпардонному, съ которымъ свелъ ее одинъ землякъ, пришедшій въ городъ на работу и познакомившійса съ портнымъ въ одномъ изъ башихинскихъ трактировъ.

Живя въ деревнѣ, Андрюшка чувствовалъ себя хорошо, питаясь тюрей да хлѣбцемъ, бѣгая босикомъ или въ лаптишкахъ, одѣваясь во что попало. Его жизнь мало чѣмъ отличалась отъ жизни его деревенскихъ товарищей: всѣхъ ихъ одинаково угощали колотушками,

величали «пострѣлами», но все это было не обидно и скоро забывалось, особенно, когда чья-нибудь родственная или сосѣдская рука погладитъ по головѣ и послышатся названія въ родѣ «соколика», «голубчика», «касатика» и тому подобныхъ птичьихъ именъ, отъ которыхъ становилось такъ хорошо на сердцѣ.

Въ послѣдній разъ слышалъ Андрюшка эти птичьи имена, когда мать съ заплаканными глазами прощалась съ нимъ и «наказывала» слушаться Евстигнея Ивановича, «какъ отца родного», самого же новаго «отца родного» Агаѳья усиленно просила учить мальчишку, чтобы не избаловался. «Заставь за себя Бога молить! Учи его! Онъ у меня мальчикъ смирный, а все боязно: въ городѣ-то, вишь, балуются», говорила она, а Безпардонный успокоивалъ ее, заявляя: «У меня не избалуется!» и при этомъ какъ-то особенно повертѣлъ аршиномъ, который держалъ въ рукѣ.

Всѣ свойства этого аршина скоро испыталъ Андрюшка на самомъ себѣ, хотя ему не только не приходило въ голову какое-либо баловство, но онъ жилъ въ постоянномъ страхѣ. Въ теченіе мѣсяца, проведеннаго въ мастерской, все ученіе Андрюшки состояло, главнымъ образомъ, изъ побоевъ, брани, угрозъ и насмѣшекъ, щедро расточаемыхъ и хозяиномъ, и Лысымъ, и Ѳедькой. Впрочемъ, Андрюшка научился дѣлать также то, что было ему не по силамъ: таскать беремя дровъ, носить ведрами воду, безчисленное число разъ бѣгать съ порученіями, почти постоянно чувствовать голодъ, никогда не досыпать, и тому подобнымъ особенностямъ жизни учениковъ въ грязныхъ мастерскихъ.

Въ первую же недѣлю онъ увидалъ, куда попалъ, и пробовалъ было оплакивать свое положеніе, но его слезы были приняты за баловство и повлекли насмѣшки и наказанія со стороны окружающихъ, считавшихъ недовольство порядками ихъ жизни непростительнымъ малодушіемъ, для нихъ обиднымъ. Безпардонный утверждалъ, что у него житье мальчикамъ самое лучшее, при чемъ разсказывалъ о голодовкахъ и удивительно ухищренныхъ наказаніяхъ, которыя вынесъ въ дѣтствѣ у своихъ бывшихъ хозяевъ. Ему вторилъ Лысый, прибавляя разсказы объ ужасахъ ученической жизни, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Ѳедька, въ свою очередь, присоединялъ свои воспоминанія въ томъ же родѣ. Эти повѣсти о томъ, какъ въ одной мастерской оторвали ученику ухо, въ другой мальчика ошпарили кипяткомъ, въ третьей запороли досмерти, должны были привести Андрюшку къ заключенію, что жизнь у Безпардоннаго есть самая лучшая жизнь, что его мастерская есть самая пріятная и удобная изъ всѣхъ мастерскихъ въ городѣ. И когда Андрюшка шелъ по улицамъ Башихи, дальше которой ему ходить не пришлось, мимо ремесленныхъ заведеній, то ему мерещились тамъ такія истязанія, что онъ считалъ себя сравнительно счастливымъ въ своей каторжной обстановкѣ, и городъ рисовался его воображенію огромнымъ застѣнкомъ, гдѣ терпятъ всевозможныя пытки мальчики, отданные въ ученье.

Когда же онъ вспоминалъ избенку, гдѣ его мать ютилась съ дѣтишками, перебиваясь со дня на день «съ хлѣба на квасъ», и множество другихъ такихъ же избенокъ, у него начинало щекотать въ горлѣ, а глаза

застилались туманомъ, и такъ хотѣлось туда, на деревенскую улицу, или домой, подъ рваный полушубокъ, къ едва топленой печкѣ, или—но это казалось верхомъ блаженства—въ сельскую школу, гдѣ было свѣтло и тепло, гдѣ кругомъ были друзья-ребятишки, и гдѣ была учительница Марья Ивановна, у которой былъ такой ласковый голосъ. Еще тяжелѣе становилось Андрюшкѣ послѣ этихъ воспоминанiй, мрачнѣе казалась и безъ того мрачная мастерская, и какими то страшными уродами выглядѣли окружающiе его люди.

Не столько мучился мальчикъ отъ наказанiй и лишенiй, которымъ онъ подвергался, сколько отъ тѣхъ взглядовъ, которыми руководствовались его сожители. Онъ явился въ городъ съ убѣжденiями, привитыми ему въ деревнѣ и въ школѣ, гдѣ внушалось отвращенiе отъ всякаго порока, гдѣ съ укоризной говорили о пьянствѣ, съ негодованiемъ о воровствѣ, презирали обманщиковъ и мошенниковъ, одобряли людей смирныхъ, уважали старшихъ. Конечно, онъ и дома слышалъ о всякихъ порокахъ и преступленiяхъ, о нехорошихъ и недобрыхъ дѣлахъ и даже много ихъ видѣлъ, но тамъ они были исключенiями, были въ презрѣнiи, онъ привыкъ ихъ бояться и отвращаться отъ нихъ, какъ большинство его земляковъ. Не такое отношенiе къ недобрымъ дѣламъ пришлось ему услышать въ новомъ своемъ жилищѣ: здѣсь хвастались своимъ пьянствомъ, завидовали подвигамъ знакомыхъ безобразниковъ, восхищались ловкими продѣлками воровъ и мошенниковъ и, одобряя такую ловкость, восклицали: «Молодчина! Ловко объегорилъ! Чисто обдѣлалъ!» Здѣсь обманъ и лганье счи-

тались самой необходимой принадлежностью человѣческаго существованія, и когда Безпардонный подсовывалъ заказчику какую-нибудь негодную матерію, то вся мастерская ликовала, напутствуя обманутаго названіемъ «дурака». Дураками здѣсь обзывали всѣхъ смирныхъ, честныхъ, всѣхъ порядочныхъ людей. Смѣялись надъ однимъ сапожникомъ, который не пьянствовалъ и жилъ чисто: «Ишь, баринъ какой нашелся: съ нами компаніи не водитъ», говорили про него. Смѣялись надъ вдовой мѣщанкой, которая отдала сына въ гимназію и оберегала его: «Полѣзла съ суконнымъ рыломъ въ колачный рядъ, сына сахаромъ обсыпать хочетъ», высказывалось сужденіе по ея адресу. И Андрюшкѣ казалось, что тѣ, кого онъ считалъ хорошими людьми, составляютъ въ городѣ рѣдкое исключеніе.

Особенно смущалъ его Ѳедька, который былъ вполнѣ пропитанъ моралью Башихи и старался внушить ее Андрюшкѣ, думая образовать изъ него подходящаго товарища. Ѳедька разсказывалъ ему свои воровскіе подвиги и грязныя похожденія, совѣтуя послѣдовать его примѣру, какъ, по его мнѣнію, должны поступать всѣ, если не хотятъ быть дураками. Къ его удивленію и досадѣ, мальчикъ не поддавался его внушеніямъ, и Ѳедька причислилъ его къ разряду дураковъ, сталъ обращаться съ нимъ еще презрительнѣе и при удобномъ случаѣ бить и дѣлать ему всякія непріятности.

Страшная сѣть безобразныхъ явленій, повсюду видимыхъ и восхваляемыхъ Башихой, опутала Андрюшку, и онъ бился въ ней, какъ птичка въ клѣткѣ, не видя выхода.

За день измученный непосильной работой, побоями, насмѣшками и поруганіемъ всего для него святого мальчикъ часто въ недолгіе часы, достававшіеся ему для ночного сна, лежалъ на своей дерюжкѣ, уткнувъ голову въ лохмотья, служившія ему подушкой, глухо рыдая и метаясь въ тоскѣ и безпомощномъ желаніи выбиться изъ тисковъ тяжелой его обстановки. Или сбрасывалъ онъ съ себя грязное пальтишко, служившее ему одѣяломъ, поворачивался въ ту сторону, гдѣ висѣлъ почернѣвшій образъ, становился на колѣни и молился, крестясь и припадая головой къ грязному полу; и тщедушное тѣльце его тряслось отъ жалобныхъ рыданій, съ которыми онъ просилъ Бога сжалиться надъ его страданіями. Никто не могъ его слышать или видѣть, потому что всѣ спали непробуднымъ сномъ почти всегда пьяныхъ людей, развѣ только лежавшій рядомъ съ нимъ Ѳедька иногда на секунду просыпался отъ его движеній и, проворчавъ ругательство, снова крѣпко засыпалъ. А Андрюшка опять припадалъ къ полу или поднималъ заплаканные глаза къ образу, откуда ждалъ чудеснаго избавленія, или вдругъ неподвижно останавливался и долго и жалобно шепталъ: «Мамка! зачѣмъ ты сюда меня отдала?» Этотъ горькій шопотъ его носился въ смрадной темнотѣ комнаты, смѣшиваясь съ храпомъ и сопѣньемъ спавшихъ пьяницъ, пока обезсиленный мальчикъ не падалъ на свои лохмотья и не забывался кошмарнымъ, короткимъ сномъ. Наступало утро, просыпалась мастерская, и опять начиналась безпросвѣтная, тяжелая жизнь.

Приходила Андрюшкѣ въ голову мысль о бѣгствѣ домой, но сейчасъ же замирала, какъ только онъ пред-

ставлялъ себѣ свою мать, голодающую съ кучей дѣтишекъ и возлагающую всѣ надежды на него, какъ на кормильца, когда онъ кончитъ ученье. И онъ рѣшилъ терпѣть до конца, тѣмъ болѣе, что жизнь всѣхъ башихинскихъ учениковъ-ремесленниковъ, насколько онъ успѣлъ съ нею ознакомиться, была нисколько не лучше его жизни.

Разъ въ лавочкѣ онъ встрѣтилъ рыженькаго, слабенькаго мальчика своихъ лѣтъ, который ему почему-то понравился. Вышли они изъ лавочки вмѣстѣ, и Андрюшка рѣшилъ завести знакомство.

— Тебя какъ звать?—спросилъ онъ.

— Яшкой, — отвѣтилъ рыженькій, тоже, очевидно, почувствовавшій симпатію къ Андрюшкѣ.—А тебя?

— Андрюшкой. Ты у кого живешь?

— У Морды, Ефима Петрова. Знаешь?

— Нѣтъ, не знаю. А я у Безпардоннаго, Евстигнея Иванова.

— Твой чѣмъ больше дерется?

— Все больше аршиномъ.

— Значитъ, портной. Они завсегда аршиномъ. А мой ремнемъ, мой сапожникъ.

— Твой злой?

— А то какъ же. Вчерась всѣ волосья Ванькѣ, товарищу моему, выдралъ.

Мальчики разстались. Другіе на ихъ мѣстѣ, познакомившись, естественно закончили бы встрѣчу словами: «приходи поиграть». Но башихинскимъ ученикамъ было не до игры. Возвращаясь домой, Андрюшка представлялъ

себѣ мальчика Ваньку въ слезахъ, а Морду съ пучкомъ волосъ въ рукѣ. Вопроса—за что Морда билъ Ваньку, въ Андрюшкиной головѣ не могло возникнуть: онъ уже приглядѣлся и испыталъ самъ, что битье происходило ни съ того ни съ сего.

Когда Андрюшка сообщилъ о своемъ новомъ знакомствѣ Ѳедькѣ, тотъ презрительно отозвался: «Знаю Яшку! Такой же нюня, какъ ты». Немного помолчавъ, онъ прибавилъ: «Самъ я тоже прежде такой былъ. Меня тоже мать изъ деревни привезла... У насъ деревня хорошая»... Андрюшка съ изумленіемъ смотрѣлъ на Ѳедьку, никогда такъ не говорившаго: ему показалось, что онъ слышитъ что-то родственное и пріятное. Но Ѳедька, точно испугавшись, что Андрюшка замѣтилъ, какъ онъ «расчувствовался», съ внезапной злобой накинулся на товарища, придравшись къ сломанной иголкѣ: «Чего, чортъ, иголъ хозяйскихъ не жалѣешь? Глаза-то выпучилъ! Обрадовался! думалъ, товарища нашелъ? Какъ бы не такъ! Стану я нюнить! Съ нюнь-то съ васъ, дураковъ, семь шкуръ дерутъ да восьмую на придачу берутъ. Ну, а я самъ ужъ шкуру-то драть умѣю. Хочешь, вотъ съ тебя сейчасъ шкуру спущу?» Мальчики были одни, и Андрюшка былъ вполнѣ во власти Ѳедьки. Однако дѣло ограничилось на этотъ разъ одной угрозой.

Какъ ни боялся старшаго и болѣе сильнаго товарища Андрюшка, но выпалъ случай, когда и онъ не выдержалъ и кинулся на Ѳедьку, который распространился о превосходствѣ Башихи надъ деревней.

— Сиволапые ваши мужики! Кашники! Окромѣ каши, имъ ничего не надо.



— Тебя какъ звать? — спросилъ онъ.

— Неправда,—возразилъ Андрюшка:—у насъ на деревнѣ и чай пьютъ.

— Нашелъ добро — чай.

— А что жъ добро-то?

— А водка.

— Водку нехорошо пить.

— Кто это говоритъ-то? Мужики же ваши, дураки? Ты башихинцевъ послушай. А умнѣй ихъ на свѣтѣ не найдешь: доки!

— Мнѣ мамка говорила!

— Ну, и мамка твоя дура, кашница!

Андрюшка вспыхнулъ. Бросилъ жилетку, къ которой пришивалъ пуговицы, и вскочилъ съ мѣста:

— Не смѣй мою мамку ругать!—закричалъ онъ.

Ѳедька, не ожидавшій такой вспышки отъ тихаго мальчика, сначала было опѣшилъ, но, взвѣсивъ силы свои и малыша-товарища, началъ сыпать бранными словами по адресу Агаѳьи. Не помня себя, Андрюшка вцѣпился въ волосы Ѳедьки, который, не ожидая такой смѣлости, свалился со скамейки. Въ концѣ-концовъ, конечно, Андрюшка былъ жестоко побитъ, но онъ даже не плакалъ въ гордомъ сознаніи, что постоялъ за мамку.

Башихинцы, мастера и подмастерья, за немногими исключеніями, казалось, жили только для того, чтобы можно было пить водку. Одни пропивались постоянно безъ расчета, другіе съ расчетомъ, т.-е. хотя пили ежедневно, но работали довольно продолжительное время, накопляли деньжонокъ, заводили домашній скарбъ и, достигнувъ нѣкоторой степени благосостоянія, сразу

окончательно пропивали все нажитое, послѣ чего опять принимались работать. Къ числу послѣднихъ принадлежали Безпардонный и Лысый дѣдъ. Съ наступленіемъ разгула, пропивъ накопившіяся деньги, они принимались закладывать сначала свое имущество, а потомъ сшитое и недошитое платье заказчиковъ, сукно, какое имѣлось, и свое носильное платье, однимъ словомъ, все, что попадалось подъ руку. Пьянствовали въ разныхъ башихинскихъ притонахъ до тѣхъ поръ, пока нечего было пропить, и никто не вѣрилъ въ долгъ. Тогда Безпардонный съ Лысымъ отправлялись въ баню, послѣ чего и усаживались за работу, понемногу оправлялись, выкупали заложенное, расплачивались съ долгами, снова кое-что накопляли, чтобы опять все пропить.

Черезъ мѣсяцъ послѣ поступленія Андрюшки въ мастерскую, хозяинъ и подмастерье запили. Когда было пропито почти все собственное имущество, но еще не дошли до заказаннаго платья, Өедька воспользовался отсутствіемъ старшихъ, вечеромъ стащилъ недошитый пиджакъ и ушелъ, пригрозивъ Андрюшкѣ самымъ страшнымъ избіеніемъ, если тотъ откроетъ его кражу. Мальчикъ очутился между двухъ огней, зная, что хозяинъ хватится пиджака и будетъ съ него требовать отчета.

Безпардонный не заставилъ себя ждать. Грязный и пьяный явившись въ мастерскую, онъ началъ съ того, что сильно ударилъ мальчика, попавшагося ему у двери. «Куда тебя черти несутъ? Хозяинъ изъ дому и вы туда же? Я те проучу. А гдѣ Өедька?» спросилъ онъ, увидавъ, что того не было. Андрюшка молчалъ и замеръ отъ боязни, не зная, что сказать. «А пиджакъ

гдѣ? — завопилъ Безпардонный, хватившись пиджака и не найдя его на мѣстѣ.—Украли, воры проклятые! Тотъ пошелъ продавать, а ты за нимъ барыши дѣлить? Гдѣ пиджакъ? Чего молчишь? Говори, а то убью!» ревѣлъ остервенившійся пьяница, накидываясь на бѣднаго, онѣмѣвшаго отъ испуга мальчика и не получая отъ него отвѣта.

Наступившая ночь и вернувшійся Лысый дѣдъ, который въ пьяномъ видѣ дѣлался мягче, положили конецъ истязаніямъ неповиннаго Андрюшки.

Страшно страдая, лежалъ онъ на своей грязной дерюжкѣ на полу. Боль была во всемъ тѣлѣ, но онъ ея почти не чувствовалъ отъ тяжкой душевной муки. «За что, за что они меня мучаютъ?» стояло въ его головѣ, и чѣмъ болѣе онъ сосредоточивался на этомъ вопросѣ, тѣмъ яснѣе вырисовывалась передъ нимъ вопіющая несправедливость, его окружающая, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднималось незнакомое ему до тѣхъ поръ чувство озлобленія противъ его мучителя. Озлобленіе это росло и обратилось въ новое желаніе отомстить, отомстить, во что бы то ни стало, за нынѣшнюю обиду и за всѣ прежнія, и въ головѣ его пробѣгали всѣ слышанные имъ способы мести. То ему представлялось, какъ онъ подожжетъ мастерскую, съ которой сгоритъ и вся ненавистная ему Башиха. То онъ думалъ, какъ онъ возьметѣ изъ-подъ печки топоръ и ударитъ имъ по головѣ Безпардоннаго. То онъ рѣшалъ самъ повѣситься, и уже намѣтилъ себѣ балку на чердакѣ и веревку, на которой таскалъ дрова; онъ воображалъ, какъ всѣ узнаютъ, что онъ повѣсился отъ жестокаго обращенія хозяина и

Ѳедьки, какъ ихъ засудятъ и сошлютъ въ Сибирь. А избитое тѣло все ныло, голова горѣла, и страшныя мысли не давали заснуть до свѣта. Ни одной слезы не проронилъ онъ, слабенькій мальчикъ, плакавшій чуть не ежедневно. Только подъ утро природа сжалилась надъ нимъ, и онъ заснулъ. Во снѣ его преслѣдовали картины пожаровъ, крови, петли, полицейскихъ, наконецъ, все закрыла фигура Безпардоннаго, доходившая до размѣровъ какого-то необъятнаго страшилища, которое раскрыло пасть, чтобы пожрать его.

Онъ проснулся въ холодномъ поту. Безпардоннаго уже не было: его спозаранку разбудилъ и увелъ съ собою какой-то собутыльникъ. Лысый сидѣлъ на верстакѣ, пилъ водку и что-то бормоталъ про себя. Замѣтивъ, что мальчикъ проснулся, Лысый окликнулъ его. Но Андрюшка не отвѣтилъ. «Что молчишь? Ученье-то, знать, впрокъ пошло, — заговорилъ Лысый: — взяла злоба за сердце. Давно пора! Съ нами, братъ, добромъ не проживешь! Никакими судьбами не проживешь». Допивая водку, Лысый продолжалъ ораторствовать на тему о несправедливости хозяевъ: «Безпардонный нешто человѣкъ? Звѣрь онъ непонимающій, пьяница злючая! Нешто я не вижу, что ты къ воровству не причастенъ. Все Ѳедькины дѣла. А онъ тебя истязалъ! Потому что ты глупъ еще. Тебѣ при нашихъ порядкахъ не иначе, какъ съ Ѳедькой заодно надо дѣйствовать. Удрали бы да вмѣстѣ на пиджачныя деньги и погуляли бы. Тогда, по крайности, былъ бы ты битъ по справедливости, и было бы тебѣ не такъ обидно. А ты еще дуракъ! Не смыслишь! Ну вотъ тебѣ и наука! На Башихѣ безъ нея

невозможно». Послѣ этой рѣчи, обыскивая комнату, очевидно, отыскивая вещей въ закладъ, Лысый началъ шарить подъ верстакомъ и выдвинулъ стоявшій тамъ хозяйскій запертой висячимъ замкомъ сундукъ. «Ишь, чортъ, ключъ съ собой унесъ: а у него тутъ знатные сапоги лежатъ. Пригодились бы мнѣ теперь», ворчалъ онъ, но къ своему удовольствію нашелъ завалившійся подъ верстакъ заказанный жилетъ и съ этой добычей ушелъ, пошатываясь и бросивъ на ходу Андрюшкѣ: «Вишь, вотъ я и нашелъ, на что выпить! А ты дуракъ!»

Оставшись одинъ, мальчикъ долго смотрѣлъ вслѣдъ Лысому, уставившись въ одну точку; вдругъ перевелъ глаза подъ верстакъ, вздрогнулъ, и нехорошій огонекъ вспыхнулъ въ его глазахъ. Забывъ свою боль, онъ быстро вскочилъ съ своей дерюжки на ноги и, точно боясь, что его услышатъ, на цыпочкахъ пробрался къ двери, заперъ ее на крючокъ, вынулъ топоръ изъ-подъ печки, подкрадываясь, подошелъ къ выдвинутому Лысымъ сундуку и замахнулся топоромъ. Замокъ слетѣлъ. Дрожащими руками поднялъ Андрюшка крышку, схватилъ лежавшіе тамъ сапоги хозяина, отложилъ дверной крючокъ и, никѣмъ не замѣченный, выскочилъ на улицу. «Будешь меня помнить. Будешь знать, за что бить!» шепталъ онъ на ходу и свернулъ въ переулокъ, даже не думая объ опасности.

Съ горячими запекшимися губами, съ пятнами отъ побоевъ на лицѣ, машинально шелъ онъ туда, куда сносили продавать всякую всячину горькіе люди, горькіе пьяницы и всякое человѣческое отребье, и очутился въ кучѣ копошащихся людей на башихинской тол-

кучкѣ, не замѣчая, гдѣ онъ, и забывъ, зачѣмъ сюда попалъ. Вдругъ кто-то его дернулъ, и онъ увидалъ здоровеннаго парня, обвѣшаннаго продаваемымъ старымъ платьемъ, который старался вырвать у него хозяйскіе сапоги и нахально приставалъ: «Оглохъ, что ли? Продаешь сапоги, спрашиваю тебя?» И другой своей рукой старьевщикъ ухватилъ за руку мальчика, который широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на наглое и жестокое его лицо. «Укралъ, знать, чертенокъ? Да давай, что ли, воришка поганый, а то...» и, не договоривъ, старьевщикъ выхватилъ сапоги. Мальчикъ стоялъ, какъ въ столбнякѣ, наконецъ, очнулся и, впервые понявъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, вырвалъ руку, отшатнулся отъ нахала и бросился бѣжать. Видъ бѣгущаго мальчика раздразнилъ грязную толпу, и отовсюду за нимъ поднялись крики: «Воръ, воръ!» кричали сами нечестные люди и не потому, что хотѣли обличить вора, а изъ озорства, какъ кричатъ на заблудившуюся несчастную собачонку, которая мчится по улицѣ, жалкая и обезумѣвшая, ища спасенія въ бѣгствѣ изъ послѣднихъ силъ, чтобы укрыться отъ безпощаднаго крика.

Въ оборванной одежонкѣ, растрепанный, блѣдный, дрожащій, но уже не отъ злобы и жажды мести и даже не отъ страха, выбѣжалъ мальчикъ съ толкучки, и все существо его было охвачено однимъ ужаснымъ чувствомъ стыда,—стыда нестерпимаго, отъ котораго холодѣло тѣло, сжималось сердце и пропадало сознаніе. Толкучка была уже далеко, никто его не преслѣдовалъ, никто не кричалъ вслѣдъ, а онъ мчался дальше и дальше отъ Башихи, и въ ушахъ у него гудѣло, въ головѣ точно

кто молотомъ отбивалъ одни и тѣ же слова: «Воръ! воръ!» и мучительный стыдъ вызывалъ въ памяти страшныя картины изъ прошлаго. И вспомнилъ онъ, какъ вся его деревня переполошилась, когда по улицѣ бѣжалъ конокрадъ, за которымъ гналась свирѣпая толпа, оглашая воздухъ криками: «Воръ, воръ!» И вотъ конокрада поймали, повели назадъ избитаго, истерзаннаго, съ вырванной бородой, съ закрученными за спину руками, стянутыми веревкой, которую держали десятки людей. Вспомнился этотъ позоръ и ужасъ, а мальчикъ бѣжалъ уже за городомъ, по пустырю, подъ гору, съ которой видна была рѣка, и ему неотступно мерещился страшный вопль: «Воръ!» который, казалось ему, несся отъ встрѣчныхъ кустовъ и камней, отъ блестѣвшей вдали рѣки, разлился въ окружающемъ воздухѣ и полетѣлъ въ родную деревню, въ родную избу, гдѣ съ ужасомъ услышитъ этотъ вопль его мать и узнаетъ стыдъ и позоръ своего сына... Давно ужъ безъ дороги, царапая голыя ноги о колючій бурьянъ, бѣжалъ мальчикъ по горбатому буераку, по кочкамъ и выбоинамъ, вдругъ споткнулся, упалъ навзничь, лишился чувствъ, и камень подъ его головой окрасился струйкою крови.

Прохожіе нашли лежавшаго на пустырѣ мальчика и доставили его въ городскую больницу.

Прошло много лѣтъ. Къ городу провели желѣзную дорогу, и онъ сильно измѣнился: разросся, прикрасился, а въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, особенно по окраинамъ, сталъ неузнаваемъ. На мѣстѣ прежнихъ лачужекъ и притоновъ грязной Башихи появились двухъ и трехъэтажные чистые дома, улицы покрылись каменною мостовою; прежняя толкучка обратилась въ широкую площадь, окруженную магазинами и торговыми заведеніями съ красивыми вывѣсками, на одной изъ которыхъ, украшенной изображеніями сюртука и пальто, золотыми буквами было написано: «Мужской портной Андрей Тихоновъ».

Заведеніе Тихонова занимаетъ нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ самая большая «заказчицкая» уставлена высокими стеклянными шкапами, съ висящимъ въ нихъ сшитымъ платьемъ, и огромными зеркалами. Въ ней помѣщается длинный и широкій столъ, на которомъ закройщикъ, старшій сынъ хозяина, выкраиваетъ костюмы. За конторкой обыкновенно находится самъ Тихоновъ, человѣкъ уже пожилой, знатокъ своего дѣла, почему имѣетъ много заказчиковъ.

Въ небольшой, очень теплой комнаткѣ обитаетъ почти безвыходно мать хозяина, Агаѳья Васильевна, древняя старушка, всегда пребывающая въ мягкомъ креслѣ съ вязаньемъ шерстяныхъ чулокъ для семьи и учениковъ. Агаѳья Васильевна неизмѣнно носитъ сарафанъ и повязываетъ голову темнымъ ситцевымъ платкомъ по-деревенски, узломъ подъ затылокъ.

Изъ другихъ большихъ комнатъ одна служитъ мастерской, гдѣ сидятъ за работой, поджавши ноги, нѣ-

сколько мастеровъ и учениковъ, въ числѣ которыхъ находится и младшій сынъ хозяина. Другая комната служитъ спальней для учениковъ съ отдѣльной кроватью для каждаго, аккуратно постеленною, и съ маленькимъ шкапомъ съ книгами.

Очень заботливъ Андрей Тихоновичъ о мальчикахъ-ученикахъ и держитъ ихъ больше, чѣмъ ему надобно, потому что часто беретъ изъ жалости. То прибѣжитъ къ нему мальчикъ, ищущій спасенія отъ пьяницы-хозяина, то сироту приведутъ къ нему, то родители просятъ взять парнишку на выучку, потому что изъ его рукъ много хорошихъ мастеровъ вышло.

Попадаются, правда, и мальчики ему не подходящіе, уже раньше испорченные, и много у него съ ними бываетъ хлопотъ возится, возится онъ съ такимъ и долго терпитъ, чтобы изъ нихъ хорошихъ учениковъ сдѣлать.

— Ну, что вы съ такой дрянью возитесь!—сказалъ ему какъ-то разъ сосѣдъ-лавочникъ.—Завѣдомыхъ воришекъ берете! Мало ли хорошихъ учениковъ! Прогоните воришку, да и только.

— Прогнать-то легко,—отвѣчалъ Андрей Тихоновичъ:—да если всѣ его гонять будутъ, онъ совсѣмъ пропадетъ, совѣсть потеряетъ. Пожалѣть его надо, потерпѣть съ нимъ, стыдъ, совѣсть въ немъ поддержать.

— Ну, ужъ вы философъ! А я воришку ни за что не взялъ бы!

— Скоро очень осуждаете человѣка и воришкой называете. Можетъ, онъ, кромѣ воровства-то, ничего и не видалъ: добра вокругъ него не было. А, можетъ, это

несчастіе его отъ несправедливости людской; озлобился онъ, быть можетъ.

Разговоръ прекратился, а Андрей Тихоновичъ долго стоялъ задумавшись, и передъ нимъ прошли тяжелыя воспоминанія далекаго прошлаго: грязная каморка, ночная тоска, безпросвѣтная жизнь, и онъ самъ, мальчикъ, доведенный отчаяніемъ до озлобленія, до воровства, въ ужасѣ отъ стыда бѣгущій по толкучкѣ и падающій безъ чувствъ на пустырѣ...

Вздрогнулъ Андрей Тихоновичъ при этомъ воспоминаніи, и словно туманомъ застелились глаза его. «Слава Тебѣ, Господи, что Ты спасъ меня тогда!» мысленно промолвилъ онъ, и еще крѣпче укоренилось въ немъ убѣжденіе съ любовью и заботой относиться къ мальчикамъ-ремесленникамъ.

Когда же удавалось исправить слывшаго дурнымъ мальчика, то Андрей Тихоновичъ, бывало, не нарадуется на такого, и много благодарностей получаетъ. «Ужъ и не чаяла я, батюшка Андрей Тихоновичъ, что изъ моего непутеваго парнишки прокъ выйдетъ! А вотъ ты, дай Богъ тебѣ здоровья, навѣкъ теперича его человѣкомъ сдѣлалъ. Ужъ какъ мнѣ и благодарить-то тебя, не знаю!» причитаетъ, бывало, передъ нимъ какая-нибудь мать, обрадованная исправленіемъ сына и принесшая изъ деревни въ знакъ признательности гостинецъ, въ родѣ лепешекъ своего издѣлія. «Ну, ладно, ладно, тетка! Некогда мнѣ съ тобой. Поди къ матери, она съ тобой покалякаетъ», отговаривается Андрей Тихоновичъ, всякій разъ чувствующій себя неловко въ такихъ случаяхъ, хотя довольный.

А Агаѳья Васильевна очень рада этимъ посѣтительницамъ. Древняя старушка и видитъ плохо и ходитъ съ трудомъ, часто прихварываетъ, къ смерти давно готова, но бываетъ очень счастлива, когда кто-нибудь придетъ къ ней поговорить объ ея миломъ сынѣ.

Въ такихъ случаяхъ является самоварчикъ, и старушка ублажаетъ свою гостью чайкомъ, съ величайшимъ удовольствіемъ выслушиваетъ благодарственныя причитанья по адресу своего сына, а, главное, сама любитъ, шамкая, распространяться о немъ:

— Что и говорить, милая! Весь свѣтъ пройдешь, а такого, какъ мой сыночекъ, не найдешь. Ужъ такъ онъ жалѣетъ ребятокъ, такъ жалѣетъ, что и сказать нельзя! Самъ, милая, онъ сызмальства-то горе видѣлъ, столько горя, чуть не померъ.

И разскажетъ Агаѳья Васильевна о старыхъ временахъ, какъ она въ своей деревушкѣ бѣдствовала, какъ Андрюшку привезла сюда въ городъ къ Безпардонному, какъ тогда на Башихѣ жили и какъ Андрюшка въ больницу попалъ.

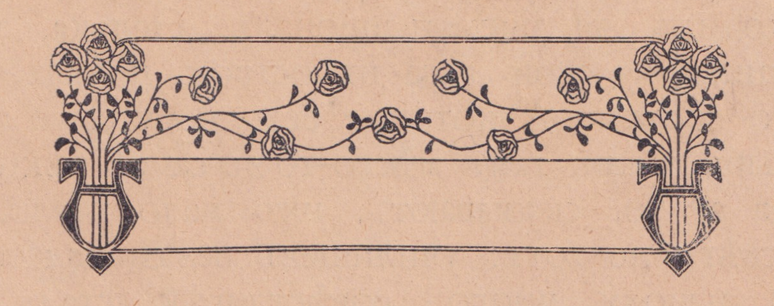
— А тамъ въ больницѣ-то, милая ты моя, дохторъ былъ, Ѳедоръ Петровичъ, царство ему небесное!—повѣствуетъ она.—Онъ и пожалѣлъ Андрюшу-то, и вылѣчилъ его, и къ доброму человѣку пристроилъ, къ портному на Дворянской улицѣ; отъ Евстигнея-то отобралъ и судомъ пригрозилъ за безпутство его. Написалъ мнѣ Андрюша, что онъ у новаго хозяина, я и пріѣхала, да и глазамъ своимъ не повѣрила: словно изъ ада въ рай мой мальчонка попалъ. Пошла я къ дохтору, къ Ѳе-

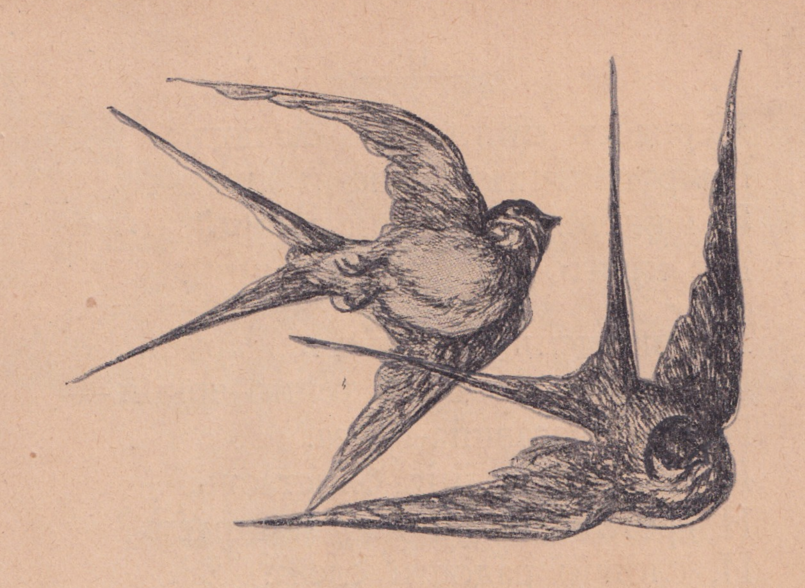
доръ Петровичу, да въ ножки ему и поклонилась. А онъ меня подымаетъ и говоритъ: «Что ты, говоритъ, матушка! Бога благодари! Теперь изъ твоего сынишки настоящій человѣкъ выйдетъ, потому что онъ въ настоящемъ мѣстѣ пристроенъ». И вышло по его словамъ, царство ему небесное! Вишь, живемъ-то какъ: первѣющій портной мой Андрюша теперь; всего у него много, и родныхъ не оставляетъ. А меня какъ почитаетъ! Такъ меня, старуху, почитаетъ, что умирать бы мнѣ не надо, да года мои велики. Лѣтъ сорокъ вотъ у него въ городѣ живу. И городъ-то при мнѣ весь перестроился, а Башиху и узнать нельзя: теперича здѣсь пьяницамъ и ворамъ не мѣсто. Прежніе-то перемерли, либо безъ вѣсти пропали. Евстигнея въ трактирѣ кто-то въ дракѣ такъ ударилъ, что онъ тутъ же въ тракрирѣ и померъ; а Лысый нищимъ ходилъ, да такъ и пропалъ. Ѳедька, товарищъ Андрюшинъ, за свои дѣла въ острогъ попалъ, и въ Сибирь его сослали. А которые есть непутевые люди, они на пустырь ушли: тамъ мѣсто-то до самой рѣки застроилось, да и то, сказываютъ, ихъ мало стало. Теперь, милая, свѣтъ не тотъ: училищевъ вездѣ надѣлали, грамотнаго народу много, совѣстливѣй сталъ народъ. У насъ въ мастерской учитель по вечерамъ къ ребяткамъ ходитъ, грамотѣ ихъ учитъ, хорошій такой учитель. И мой Андрей Тихоновичъ читать охотникъ, денегъ на книжки не жалѣетъ. Покойникъ Ѳедоръ Петровичъ пріучилъ: бывало, по праздникамъ къ себѣ звалъ. Добрѣющей души былъ!»

— Все, матушка Агаѳья Васильевна, отъ добрыхъ людей намъ на пользу бываетъ,—вставляетъ свое слово

собесѣдница.—Вотъ я, грѣшница, пропала бы съ непутевымъ мальчонкой своимъ, кабы не Андрей Тихоновичъ, не добродѣтель его.

— Все отъ добрыхъ людей, милая, все отъ нихъ. Ими и свѣтъ держится. Когда добрыхъ-то людей не будетъ, тогда и свѣтопреставленіе настанетъ,—подтверждаетъ Агаѳья Васильевна и, освѣдомившись о бѣдности собесѣдницы, вручаетъ ей серебряную монету, чтобы она Бога молила за добрыхъ людей.





Весна.

Очаровательна весна,
Когда, какъ будто молодое,
Играетъ солнце золотое,
Сверкаетъ жемчугомъ волна,
И серебристый воздухъ блещетъ,
И бирюзою высь трепещетъ,
И изумрудные лѣса
Кропитъ алмазами роса.

Когда, какъ нѣжное дыханье,
Чуть вѣетъ нѣжный вѣтерокъ,
И льетъ въ него благоуханье
Листочекъ каждый и цвѣтокъ.

Иль, испещренное звѣздами,
Все небо дышитъ чудесами,
И въ тепломъ сумракѣ вѣтвей
Поетъ мечтатель-соловей;

Мерцаетъ свѣтлячокъ-малютка,
Вокругъ таинственно и жутко,
И кажется, въ тиши ночной
Все кто-то ходитъ неземной.

Порою день наступитъ жаркій,
И душенъ воздухъ темно-яркій, —
Идетъ красавица-гроза.
Какъ очи, молнія блистаетъ,
И громъ какъ будто замираетъ,
И, словно радости слеза,
Изъ тучки капля упадаетъ,
За ней другія... Цѣлый рой,
Уже веселый и живой,
Летитъ стремглавъ, шумитъ, топочетъ,

А сверху словно кто хохочетъ,
Надъ ними весело кружась,
И мчатся дальше...
Освѣжась,
Какъ чисты новой жизни всходы!
Какъ много свѣта и свободы!
И даль лазурная ясна,
И звонко жаворонка пѣнье,
Повсюду радость, наслажденье...
Какъ хороша тогда весна!





Чары индусовъ.

Разсказъ.

Много лѣтъ тому назадъ я пріѣхалъ въ декабрѣ погостить у моихъ родственниковъ въ городѣ N. Мы собрались встрѣчать Новый годъ у Бѣлкиныхъ, людей очень богатыхъ и гостепріимныхъ. Народу было, какъ говорится, видимо-невидимо, чуть не весь городъ. Огромный домъ сіялъ огнями, гремѣла музыка, молодежь танцовала, старички играли въ карты. Вечеръ, начавшійся въ 9 часовъ, вышелъ на славу. Но вотъ всѣ стали поглядывать на часы, споря, сколько именно осталось времени до желаннаго Новаго года; гости собирались въ родственныя группы; танцы прекратились; старички въ волненіи спѣшили заканчивать свои робберы за зелеными столами. Какой-то очень длинный молодой человѣкъ, завитой и надушенный, съ огромнымъ моноклемъ и во фракѣ, мчался, какъ угорѣлый, съ шляпой-цилиндромъ, наполненнымъ свернутыми въ маленькія трубочки бумажками, и умоляющимъ голосомъ бормо-

талъ, подлетая къ каждому присутствующему: «Ради Бога, берите скорѣй, но прочтите ровно въ полночь». Я принужденъ былъ взять бумажку и, видя, что юноша уже далеко, дерзнулъ развернуть таинственную трубочку, гдѣ, очевидно, заключалось предсказаніе моей судьбы. «Бойся чернаго глаза»,—прочелъ я и собирался уже бросить глупую бумажку, какъ ко мнѣ подошелъ братъ хозяйки дома Сергѣй Сергѣевичъ Вальскій.

— Что? Не вѣрите?—спросилъ онъ и продолжалъ.— Конечно, часто бываетъ простая ерунда, но иногда... Я вамъ какъ-нибудь разскажу одинъ странный случай.

И Вальскій вдругъ замолчалъ. Я посмотрѣлъ на него: лицо его приняло какое-то болѣзненное и даже страшное выраженіе, и, извинившись предо мною, онъ исчезъ изъ гостиной. Я замѣтилъ, что, проходя мимо своей сестры, онъ ей что-то сказалъ, что она сначала встревожилась, но, успокоенная имъ, оправилась и начала занимать гостей. Вальскій былъ человѣкъ на рѣдкость бывалый. При огромныхъ средствахъ, оставленныхъ ему отцомъ, онъ изъѣздилъ всѣ части свѣта. Его разсказы о видѣнномъ и испытанномъ могли бы составить нѣсколько томовъ и были очень интересны при его выдающемся умѣ и остроуміи. Теперь ему было лѣтъ 35. Бурная юность наложила на него странный отпечатокъ: на однихъ онъ производилъ впечатлѣніе красавца, на другихъ—противоположное. Но всякій могъ замѣтить, что онъ нѣсколько волочилъ лѣвую ногу и не совсѣмъ свободно владѣлъ лѣвой рукой; злые языки болтали, что лѣвый глазъ у него искусственный, и что онъ носитъ парикъ.

Вальскій былъ человѣкъ необщительный. По пріѣздѣ къ Бѣлкинымъ въ нашъ городъ за мѣсяцъ до описываемаго мною вечера, онъ не завязалъ знакомствъ, сдѣлавъ почему-то исключеніе только для меня, и въ обществѣ меня осаждали разспросами относительно его личности и страннаго замкнутаго образа жизни. Особенно интересовалъ всѣхъ его слуга, чистокровный индусъ, ходившій въ національномъ своемъ костюмѣ и не говорившій ни на какомъ языкѣ, кромѣ своего родного и англійскаго, которые оба въ нашемъ городѣ были ровно никому не извѣстны. Я не могъ удовлетворить любопытства моихъ знакомыхъ, потому что, бывая у Вальскаго, не замѣтилъ ничего особеннаго; Вальскій держалъ себя со мною въ высшей степени корректно, каждый разъ, впрочемъ, все болѣе и болѣе заинтересовывая меня разсказами о своихъ многочисленныхъ и рѣдкихъ приключеніяхъ. Любопытные старались вывѣдать что-либо о Вальскомъ отъ его сестры и ея мужа, которые объясняли замкнутый образъ его жизни тѣмъ, что онъ пріѣхалъ къ нимъ отдохнуть и поправить свое разстроенное здоровье. Несмотря на такое объясненіе, въ обществѣ составилось мнѣніе о Вальскомъ, какъ о человѣкѣ съ загадочнымъ прошлымъ, носящимъ въ душѣ какую-то тайну, которая всѣхъ интересовала. Признаюсь, что я былъ убѣжденъ болѣе, чѣмъ кто-либо, въ справедливости такого мнѣнія.

Понятно, что появленіе его на вечерѣ произвело всеобщую сенсацію. Можно было замѣтить, какъ многіе дѣлали видъ, что ведутъ между собою интересную бесѣду, но въ сущности искоса поглядывали на Вальскаго

и переводили разговоръ на тему, касающуюся его личности. Молодыя дѣвушки въ сопровожденіи юныхъ кавалеровъ, прогуливаясь для отдыха между танцами, избирали для этой прогулки именно то мѣсто, гдѣ онъ находился. Нѣкоторые подходили къ нему и вступали съ нимъ въ бесѣду, желая извлечь изъ нея объясненіе его загадочной личности, но довольно неудачно: онъ очень вѣжливо отдѣлывался общими мѣстами и не удовлетворялъ любопытныхъ собесѣдниковъ, весьма недовольныхъ такимъ оборотомъ дѣла. Когда Вальскій ушелъ изъ гостиной, я взглянулъ на часы: было безъ четверти двѣнадцать.

Вотъ, наконецъ, вошли лакеи съ шампанскимъ, старинные англійскіе часы заиграли четыре четверти и начали звонко отбивать двѣнадцать ударовъ; начался Новый годъ. Повсюду слышалось чоканье бокаловъ, раздавались поздравленія, пожеланія и поцѣлуи. Поздравивъ родственниковъ, я пошелъ искать хозяйку. Чокнувшись съ нею, я спросилъ:

— Наталья Сергѣевна, а гдѣ вашъ братъ, Сергѣй Сергѣевичъ?

— Ему что-то нездоровится. Онъ не будетъ встрѣчать съ нами Новый годъ и, уходя на свою половину, просилъ не тревожиться и не тревожить его, — отвѣчала она; и тутъ же ее отвлекла какая-то полная дама, которая, тряся огромнымъ чепцомъ, стала ей жаловаться, что никакъ не можетъ найти въ такой толпѣ свою дочь, и Наталья Сергѣевна отправилась съ нею на поиски барышни. Опять загремѣла музыка, начались танцы и карты въ ожиданіи ужина.

Мною овладѣло непреоборимое безпокойство. Не зная почему, я чувствовалъ, что во внезапномъ исчезновенiи Вальскаго изъ гостиной кроется что-то особенное. Я ничего не могъ съ собой подѣлать и направился изъ парадныхъ комнатъ на жилую половину дома, совершенно пустую, такъ какъ вся прислуга была занята хлопотами для приготовленiя ужина. Тамъ за длиннымъ коридоромъ былъ цѣлый рядъ комнатъ, занимаемыхъ Вальскимъ. Ни въ его прiемной ни въ кабинетѣ его не было, наконецъ, я дошелъ до спальни и передъ ея дверью остановился. Я зналъ, что я поступаю нехорошо, неделикатно, но въ вискахъ у меня стучало, сердце билось страшно, рука невольно ухватила ручку двери. Я отворилъ дверь и вошелъ.

Съ потолка спускался красный фонарь и освѣщалъ спальню. Среди комнаты, на полу, на коврѣ навзничь лежалъ Вальскiй. Правый глазъ его былъ открытъ, но лѣвый закрытъ, и вся лѣвая сторона его тѣла была совершенно неподвижна, какъ у мертвеца. Передъ нимъ въ головахъ сидѣлъ, поджавъ ноги, его слуга индусъ и, скрестивъ руки на груди и покачиваясь, бормоталъ что-то на непонятномъ для меня языкѣ. Волосы у меня на головѣ зашевелились, и холодный потъ выступилъ на лбу. Вдругъ индусъ замѣтилъ мое появленiе, быстро вскочилъ на ноги и почти вытолкалъ меня за дверь, пробормотавъ по-англiйски:

— Уходите, сэръ, это не опасно: обыкновенный припадокъ, который скоро пройдетъ. Только никому не говорите. Если спросятъ, скажите, что господинъ спитъ.

Едва я успѣлъ прійти въ себя, какъ увидѣлъ въ коридорѣ Наталью Сергѣевну, идущую, очевидно, навѣстить брата. Собравшись съ духомъ, я успокоилъ ее, сказавши, что Вальскій заснулъ. Мы вернулись къ гостямъ, но послѣ видѣнной мною страшной картины я не могъ оставаться на вечерѣ и незамѣтно ушелъ домой, гдѣ долго не могъ заснуть.

На утро, только что я напился кофе и объяснилъ домашнимъ мое исчезновеніе съ вечера Бѣлкиныхъ внезапнымъ нездоровьемъ, какъ мнѣ подали записку отъ Вальскаго, который просилъ меня зайти къ нему, какъ можно, скорѣе.

Съ большимъ волненіемъ отправился я къ Вальскому, который принялъ меня необыкновенно любезно. Я тотчасъ же извинился въ моемъ неделикатномъ поступкѣ прошлой ночью, объясняя его желаніемъ быть полезнымъ больному, когда весь домъ былъ въ хлопотахъ съ гостями и ужиномъ. Онъ совершенно согласился со мною въ моихъ побужденіяхъ посѣтить его ночью, и съ своей стороны извинился въ томъ, что пригласилъ меня къ себѣ въ такое время, которое я, безъ сомнѣнія, посвятилъ бы визитамъ.

— Вы понимаете, что только крайняя необходимость заставила меня вызвать васъ къ себѣ въ такое неудобное время,—сказалъ онъ.—Дѣло въ томъ, что болѣзнь, которой вы были свидѣтелемъ, сохраняется мною въ строжайшей тайнѣ даже отъ сестры и ея мужа. Я очень радъ, что именно вы видѣли меня въ такомъ положеніи. Было бы ужасно, если бы меня видѣла сестра или кто-либо изъ домашнихъ. Мой индусъ передалъ мнѣ, что онъ

успѣлъ васъ попросить не разглашать о моей болѣзни. Полагаюсь на вашу скромность. Сегодня я въ ней убѣдился, потому что никто изъ домашнихъ не подозрѣваетъ, что со мной вчера было. Конечно, и для васъ это могло бы остаться тайной, если бы не оплошность моя и моего слуги: мы не заперли дверей. Какъ видите, обстоятельства такъ сложились, что я обязанъ познакомить васъ со всѣми деталями моей тайны, чтобы не составилось у васъ ложнаго о ней мнѣнія. Къ тому же вы изъ тѣхъ немногихъ людей, къ кому я почему-то питаю особенное довѣріе. До сихъ поръ мнѣ ни разу въ этихъ людяхъ не пришлось разочароваться. Итакъ, позвольте мнѣ приступить къ моей тяжелой и странной повѣсти.

Вальскій приказалъ слугѣ никого не принимать, заперъ дверь во внутреннія комнаты, мы усѣлись на диванъ въ кабинетѣ, и онъ началъ свой разсказъ.

— Это было десять лѣтъ тому назадъ. Я путешествовалъ по Индостану, гдѣ и произошло самое ужасное событіе въ моей жизни. Однажды, охотясь на тигровъ въ Гималайскихъ горахъ, я отсталъ отъ своей компаніи охотниковъ и, заблудившись, выбился изъ силъ. Напрасно я стрѣлялъ и трубилъ въ рогъ, — только эхо было мнѣ отвѣтомъ въ густомъ лѣсу. Представьте мой ужасъ, когда я вдругъ увидалъ подкрадывающагося ко мнѣ тигра. Навѣрное нанести ему смертельную рану я не могъ разсчитывать, потому что страшно усталъ, и руки мои дрожали. Считая себя погибшимъ, я хотѣлъ кончить жизнь самоубійствомъ, чтобы не подвергаться ужасной смерти терзаемой хищникомъ жертвы, и, вынувъ револьверъ, приставилъ его къ виску, какъ вдругъ

тигръ началъ пятиться, вертѣть головой и фыркать. Изъ незамѣченнаго мною шалаша, скрытаго кустарникомъ, вышелъ старикъ индусъ, страшно худой, едва прикрытый лохмотьями; играя на флейтѣ, онъ не сводилъ огромныхъ блестящихъ глазъ съ тигра, который, наконецъ, повернулъ назадъ и, зарычавъ, скрылся. Тогда старикъ подошелъ ко мнѣ.

— Чужеземецъ,—сказалъ онъ на довольно сносномъ англійскомъ языкѣ,—ты видѣлъ божественную силу величайшаго изъ боговъ Брамы, которому повинуются и кровожадные звѣри. Я бѣдный его служитель, живущій отшельникомъ пятьдесятъ лѣтъ. Твою судьбу я вижу въ глазахъ твоихъ.

Мнѣ не разъ приходилось видѣть въ Индостанѣ всякихъ индусскихъ знахарей, предсказателей, заклинателей змѣй, насмотрѣться на ихъ чудеса, которыя, въ концѣ-концовъ, оказывались фокусами. Но этотъ старикъ, казалось, дѣйствительно чудомъ спасъ меня отъ дикаго тигра. «Если тебѣ благоугодно, отецъ, то открой мнѣ мое будущее», согласился я.

Тогда старикъ сталъ смотрѣть пристально мнѣ въ глаза, и передо мною начало понемногу исчезать все окружающее. Я переставалъ видѣть лѣсъ, ближнее дерево, потомъ фигуру старика, его лицо. Я видѣлъ только его глаза, наконецъ, я переставалъ видѣть что-либо и стоялъ въ темнотѣ, откуда раздался отчетливый, отчеканивающій слова голосъ индуса:

— Чужеземецъ долженъ бояться власти курумба. Курумбъ хочетъ внушить зло чужеземцу. Смерть курумба спасетъ чужеземца.



Вдругъ тигръ началъ пятиться.

Съ окончаніемъ этой рѣчи мое зрѣніе возвратилось, я пришелъ въ себя и вступилъ въ бесѣду со старикомъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что курумбы—ужасное племя, живущее въ Гималаяхъ и обладающее страшными чарами. Они поклоняются злому богу Кали и могутъ однимъ взглядомъ покорить себѣ человѣка, заставить его совершить преступленіе и даже убить его. Это отвратительное племя косматыхъ, крайне низкорослыхъ людей ненавидятъ всѣ индусы и спасаются отъ ихъ чаръ заклинаніями. Но бѣда чужеземцу, если его глаза встрѣтятся съ глазами курумба!

На разспросы старика я вспомнилъ, что наканунѣ вечеромъ, у городской стѣны меня нагналъ какой-то косматый человѣчекъ, которому я подалъ милостыню; но онъ этимъ не удовольствовался и старательно хотѣлъ забѣжать мнѣ впередъ и заглянуть мнѣ въ глаза, несмотря на то, что на него сыпались удары моей палки. Негодяй быстро скрылся, заслышавъ шаги моего слуги. Это, конечно, былъ курумбъ. По мнѣнію старика, курумбъ не успокоится, пока не отравитъ меня своимъ взглядомъ, и будетъ меня всюду преслѣдовать. Даже нечаянную встрѣчу съ тигромъ и грозившую мнѣ опасность старикъ приписывалъ власти моего новаго врага. Онъ посовѣтовалъ мнѣ приказать слугамъ зорко слѣдить, не появлялся ли гдѣ хитрый курумбъ, и немедленно убить его. Убійство курумбовъ считается въ Индіи добрымъ дѣломъ.

Во время этой бесѣды подошли мои спутники, напавшіе на мои слѣды, и я распрощался съ отшельникомъ, оставивъ ему кошелекъ съ золотомъ. Охота была

неудачна, и мы съ пустыми руками возвратились домой. Моимъ слугамъ я передалъ мнѣніе стараго индуса о преслѣдующемъ меня курумбѣ. Они внимательно слушали и приняли озабоченный видъ, а самый старый изъ нихъ, Васишта, сказалъ:

— Знаетъ ли, господинъ, что курумбъ хитрѣе лисицы и злѣе змѣи? Курумбъ ходитъ тамъ, гдѣ никто не можетъ пройти, кромѣ демона. Курумбъ — самъ демонъ.

Такое заключеніе слугъ было для меня мало утѣшительнымъ. Хотя я не вѣрилъ, какъ они, что курумбы демоны, но изъ ихъ словъ заключилъ, что это племя отличается удивительной хитростью и ловкостью. Слуги внимательно осмотрѣли весь домъ и садъ и устроили стражу на ночь. Ночь была прелестная. Я вышелъ на крышу дома и любовался на чудныя звѣзды, ярко сверкавшія на черно-синемъ небѣ. Былъ канунъ русскаго Новаго года. Я вспомнилъ родину, дорогой ея обычай встрѣчать Новый годъ, вспомнилъ всѣхъ близкихъ людей, и мнѣ захотѣлось на крышѣ индусскаго дома выпить бокалъ шампанскаго за ихъ здоровье. Я велѣлъ подать себѣ вина. Было тихо-тихо. Ни одинъ звукъ не мѣшалъ моему одиночеству. Только вдали часы начали отбивать полночь. Вдругъ я почувствовалъ, точно кто иголками колетъ мнѣ спину. Инстинктивно выхвативъ револьверъ и, взведя курокъ, я хотѣлъ обернуться назадъ, но не могъ. Тогда же я увидѣлъ, что какое-то косматое чудовище ползетъ на четверенькахъ. Вотъ оно подползло и схватило меня за руку. Въ одинъ моментъ раздался выстрѣлъ и отвратительный крикъ. Съ меня

точно огромная тяжесть свалилась. Я вскочилъ. На выстрѣлъ прибѣжали слуги съ фонарями. У моихъ ногъ лежалъ почти карликъ, косматый и грязный.

— Слава Брамѣ!—воскликнуль Васишта.—Господинъ убилъ демона! Проклятая душа курумба теперь попадетъ въ пасть адской собаки.

Такъ это былъ курумбъ! Онъ ухватилъ меня за руку, въ которой былъ револьверъ со взведеннымъ куркомъ, и самъ убилъ себя, потому что я не могъ шевелиться, околдованный его чарами. Я взялъ фонарь и сталъ смотрѣть; пуля попала въ лѣвый глазъ, и вся лѣвая сторона курумба была неподвижна, но правая корчилась въ отвратительныхъ судорогахъ, и правый глазъ былъ зловѣще открытъ.

— Не смотри, господинъ! Глазъ курумба — глазъ змѣи!—закричалъ Васишта.

Но было уже поздно, я успѣлъ заглянуть въ проклятый глазъ, у меня закружилась голова, я пошатнулся на лѣвую сторону и упалъ. Меня снесли въ мою спальню. Тѣло курумба бросили въ ровъ за городской стѣной, а я остался лежать съ параличомъ всей лѣвой стороны. Нѣсколько мѣсяцевъ доктора Индіи меня лѣчили безуспѣшно; наконецъ нашли знаменитаго заклинателя Суну изъ племени тоддовъ, добродѣтельныхъ чародѣевъ, который сталъ меня лѣчить, творя заклинанія. Вылѣчить окончательно онъ меня не могъ, говоря, что убитый мною курумбъ обладалъ совершенно исключительными чарами, но все-таки этотъ человѣкъ поднялъ меня съ постели и сдѣлалъ меня такимъ, каковъ я до сихъ поръ. Лѣвая половина волосъ у меня на головѣ сѣдая, и я

татъ внушенія этого мошенника Суну, который вмѣсто того, чтобы убѣдить больного въ противномъ, наговорилъ разныхъ разностей въ доказательство того, что неизбѣжны ежегодныя страданія.

— Какъ, докторъ, и Суну мошенникъ? Вѣдь онъ же вначалѣ помогъ Вальскому!

— Я согласенъ, что въ первый разъ онъ поступилъ довольно добросовѣстно, хотя, я увѣренъ, не вполнѣ добросовѣстно. Онъ, вѣроятно, гипнотизировалъ гораздо долѣе, чѣмъ могъ бы, чтобы имѣть побольше сеансовъ и за нихъ побольше золотыхъ. А черезъ годъ, воображаю, какъ онъ обрадовался, когда опять явился его бѣдный паціентъ, съ котораго онъ и беретъ золотую дань и будетъ ее брать еще долго. Вѣдь Вальскій очень богатъ?

— Что вы говорите, докторъ! Вальскій, правда, богатъ, но давнымъ-давно разстался съ Суну.

— Да вѣдь при Вальскомъ состоитъ его родственникъ, черезъ котораго и пользуется доходами вашъ добродѣтельный Суну. Этого родственничка давно слѣдовало бы прогнать. Но Вальскій, конечно, не рѣшится на это. Неизлѣчимо-больной, отчаявшись въ нашей наукѣ, онъ сталъ наклоненъ къ суевѣрію, отъ котораго ему трудно освободиться, а мошенники-азіатскіе гипнотизеры съ успѣхомъ этимъ пользуются.

— Но скажите, отчего же ему не могъ помочь ни одинъ изъ знаменитыхъ докторовъ всего свѣта, которые его лѣчили тоже гипнотизмомъ?

— Оттого, что, по моему мнѣнію, научнымъ путемъ мы не дошли еще до той силы гипнотизма, которою

обладаютъ разные тодды и курумбы, отъ насъ ее тщательно скрывающіе. Вотъ когда наука изслѣдуетъ гипнотизмъ, которымъ они пользуются, тогда мы справимся съ тѣмъ, что они называютъ заклинаніями, очарованіями и тому подобное.

Простившись съ докторомъ, я написалъ Вальскому объ этомъ разговорѣ, но не получилъ отвѣта. Онъ, какъ мнѣ сообщили мои родственники, уѣхалъ изъ города N съ сестрой и ея мужемъ за границу, но куда именно, неизвѣстно.

Съ тѣхъ поръ я ничего не слыхалъ о Вальскомъ.

